

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему:

РУССКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ I

Образовательная программа «История народов стран Азии и Африки»
(специальность научных работников 07.00.03 «Всеобщая История»)

Автор:
Коседжик Хиджран

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент,
Фарзалиев Акиф Мамед-оглы

Рецензент:
доктор исторических наук, профессор,
Дьяков Николай Николаевич

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	С.3
Глава I. Русско-османские отношения после Прутского похода 1711 г. в современной турецкой историографии	С. 10
§1.1. От Прутского похода к договору о "вечном мире" 1720 г.	С. 10
§1.2. Персидский (Кавказский) поход Петра I	С. 16
§1.3. Османская империя и Россия после Персидского похода: переговоры и заключение договора 1724 г.	С. 21
ГЛАВА 2. «ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД» ПЕТРА I И ПОСОЛЬСТВО НИШЛИ МЕХМЕД-АГИ В РОССИЮ В 1722 – 1723 ГГ.	С. 28
§2.1. Прибытие посольства	С. 28
§2.2. Переговоры в Москве	С. 36
§2.3. Завершение визита и встреча с Петром I	С. 42
§2.4. Переговоры в Стамбуле и заключение договора 1724 г.	С. 53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	С. 59
Список использованных источников и литературы	С. 63
Приложение № 1 Первая страница « Сефарет- наме»	С. 67
Приложение № 2 ДОРОЖНАЯ КАРТА ПУТЕШЕСТВИЯ НИШЛИ МЕХМЕТ АГА	С. 68

ВВЕДЕНИЕ

С восшествием на престол Петра Великого (1689-1725) Россия в первой четверти XVIII века показала значительные успехи в военной и политической области и смогла войти в число великих европейских держав¹. Турецкий историк доктор Косе из Университета 19 мая полагает, что одной из главных внешнеполитических целей Петра I было утверждение на берегах Чёрного моря². В результате двух Азовских походов Россия получила крепость Азов и выход в Азовское море. Однако союзники по коалиции – «священной лиге» (прежде всего Австрия и Венеция), начав переговоры с Османской империей, нарушили планы царя; его попытки помешать мирным переговорам «священной лиги» с турками не увенчались успехом. Царь очень желал получить Керчь, но на переговорах в Карловице русские дипломаты не нашли поддержки союзников.

В итоге переговоров отношения России и Османской империи были определены Стамбульским (Константинопольским) договором 1700 г. К России отходил Азов и вновь построенные крепости (Таганрог, Павловск, Миус). Турции возвращалась занятая русскими часть Приднепровья с турецкими крепостями, которые подлежали уничтожению. Турция должна была освободить русских пленных и предоставить России право на дипломатическое представительство в Константинополе на равных основаниях с другими державами. Россия освобождалась от ежегодных платежей крымскому хану³. Российские послы добивались и права мореходства для русских торговых судов – но представители Оттоманской Порты (или Баб-и-Али - наименование правительства Османской империи, т.е. канцелярии великого везира) заявили, что «Чёрное море

¹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı Tarihi. Ankara, 1988, S. 149-150.

² *Köse O.* XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münâsebetleri // Osmanlı, 1999, S. 538.

³ Там же. S. 538.

рассматривается как гарем султана, куда невозможно пустить ни одного иностранца».⁴

Договор обеспечил нейтралитет Турции в начале Северной войны 1700-1721 гг. Заключённый на 30 лет договор соблюдался до ноября 1710 г., когда султан объявил войну России. Неудачная военная кампания в 1711 г. завершилась утратой Россией всех сделанных прежде приобретений. Следующий этап интенсивных русско-турецких отношений приходится на 1720-е гг., когда после победы в Северной войне Пётр I опять обратился к делам на юге.

Проблема отношений России и Османской империи за 36-летнее царствование Петра I является сложной, многоаспектной и комплексной задачей. Исследователю предстоит освоить в российских и турецких архивах огромный массив документальных материалов, которые к тому же необходимо рассматривать в связи с изменением международной конъюнктуры и связями двух наших держав с другими европейскими странами. Поэтому в качестве главной цели нашей работы мы выбрали конкретную историю русско-османских отношений в 1720-х гг., когда Россия выиграла Северную войну со Швецией, вошла в круг великих держав и приступила к активным действиям на Востоке – в 1722 г. Пётр I предпринял большой поход во владения Ирана.

Основными задачами работы являются:

- историографический обзор малоизвестных российским историкам научных работ современных турецких историков, затрагивающих проблему отношений России и Османской империи в первой четверти XVIII века;

- введение в научный оборот новых данных о русско-турецких отношениях в указанной эпохе из российских собраний (Российский государственный архив древних актов, Архив внешней политики Российской империи МИД РФ) и малоизвестного в России отчета

⁴ Kurat A. H. Türkiye ve Rusya, Kültür Bakanlığı Yayınları. Ankara, 1990, S. 15.

османского дипломата Нишли Мехмед-аги о поездке в Россию в 1722-1723 гг.⁵;

- изучение указанных материалов для установления специфики российско-османских отношений при Петре I.

Методология исследования обусловлена совокупностью общенаучных требований, которые предполагают всесторонность, объективность, системность исторического анализа. Задачи, поставленные в исследовании, и круг источников определили методы исторического исследования:

- историко-хронологический, позволяющий рассмотреть эволюцию русско-турецких отношений в 1720-1724 гг. и их отражение в современной научной литературе;

- сравнительно-исторический метод путем сопоставления русских документов и сефарет-наме Нишли Мехмед-аги позволит более объективно оценить позиции обеих сторон при изучении проблемы восточного вектора внешнеполитической активности Российской империи при Петре I, а также увидеть различия между ними.

Выбранная нами тема, как нам кажется, представляет значительный интерес для понимания эволюции русско-османских отношений в новое время. В последнее четверти XVII века наши страны дважды вели войну, а в следующем столетии последовал ещё ряд русско-турецких войн, который привёл к принципиальному изменению границ наших держав в бассейне Черного моря.

В центре внимания нашего исследования находится иная проблема – показать, как Российская и Османская империи сумели избежать войны и уладить возникший в результате Персидского похода 1722 г. конфликт дипломатическими средствами и путём взаимных уступок. Что, как нам кажется, даёт основание иначе взглянуть на развитие отношений наших

⁵ *Unat F. R. Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // Tarih Vesikaları Dergisi, 1942, Sayı 10. S. 284-299; Sayı 11. S. 352-371; Sayı 12. S. 462-472.*

стран в прошлом как на пример сотрудничества и обоюдного стремления избежать войны.

Помимо того, изучаемые нами документы помогут представить объективную картину дипломатических отношений путём сопоставления позиций и взглядов русских и турецких дипломатов, отражённых в исследуемых нами документах.

Предметом нашего изучения является посольство в Россию в 1723 г. представителя Оттоманской Порты Нишли Мехмеда-аги и его переговоры с российскими дипломатами по данным Коллегии иностранных дел России и отчета/донесения османского посланника (сефарет-наме) Нишли Мехмеда-аги. Объектом же исследования выступает комплекс российско-османских отношений (и представлений сторон друг о друге), отражённые в указанной документации.

В своей работе я использовала официальную османскую хронику историка, поэта и музыканта Исмаила Азыма-эфенди (1685-1760). Он служил одно время придворным летописцем и в своём сочинении описал происходившие в 1723-1729 гг. события. Его труд был впервые напечатан в 1740 г.⁶ Ещё одним источником послужил изданный в 1877 г. сборник договоров Османской империи с Ираном, империей Габсбургов, Пруссией и Россией (с 1628 по 1863 гг.)⁷.

Основным источником послужило донесение (сефарет-наме⁸) посланника Нишли Мехмеда-аги, побывавшего с дипломатической миссией в России в 1722-1723 гг. О нём известно немного. Согласно османским летописям, Нишли Мехмед-ага начал службу с должности дворцового сторожа, в годы правления великого везира Дамада Ибрагима-

⁶ *Küçükçelebizade Asım Efendi. Asım Tarihi. İstanbul, 1282.*

⁷ *Muâhedât Mecmuâsı. İstanbul, 1877. Vol. III.*

⁸ Об этом виде источников см.: *Бунятов З.М.* «Сефарет-наме» османских послов как источник по истории османо-российских отношений // *Ближний и Средний Восток. Баку, 1986, с. 3-24; Маштакова Е.И.* Сефарет-наме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в. // *Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 214-222; Зайцев И. В.* Турки-османы в Москве XVIII в. // *Восточный архив. 2004. № 11—12. С. 40—45.*

паши (1718-1730) исполнял ответственные поручения, но затем в 1725 г. был лишён чина и попал в ссылку в Кастамону сроком на 5 лет. После восстания Патроны Халиля (28 сентября 1730 г.) в Стамбуле и гибели великого везира Мехмед-ага был отправлен в Египет и служил офицером в конной артиллерии («Новой армии»), а после 1732 г. состоял по финансовой части⁹.

Насколько мы можем судить, он был профессиональным военным. С другой стороны, можно говорить о наличии у него достаточно хорошего образования и опыта, позволившего Мехмеду-аге выполнять ответственные дипломатические поручения. Видимо, по этой причине он был назначен послом в Россию в 1722-1723 гг. Он пробыл в Москве (где тогда находился царь и его министры) с начала февраля по середину марта 1723 г. Свои переговоры Нишли Мехмед-ага описал довольно подробно, но жизнь в чужой стране его, видимо, не очень интересовала. О Москве посол пишет мало, останавливаясь в основном на содержании переговоров с царскими сановниками и самим царем (он был «с подобающей честью» принят Петром I), а также на количестве выданного провианта; описал он и полученные от царя подарки – какие-то музыкальные инструменты, «издающие звуки, похожие на пушечные выстрелы»

В настоящее время донесение Нишли Мехмеда-аги хранится в Рукописном отделе Музея дворца Топкапы в Стамбуле (Торкарı Sarayı Müzesi Revan. No. 1313). Другой его экземпляр находится в библиотеке Стамбульского университета на листах 79-126 журнала ТУ 6095 и носит название "Посольство Хатты Эфенди и Ахмеда Ресми и Нахифи" (İstanbul Üniversitesi, Yıldız yazmaları. No. ТУ 6095 varak. 12). Мы не располагаем сведениями о том, имеются ли другие варианты данного произведения.

Находящийся в Топкапы экземпляр написан на листах шлихтованной тонкой бумаги (305 мм в длину и 180 мм в ширину), Каллиграфический текст (он начинается с молитвы, которая записана в

⁹ *Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722—1723). Tokat, 2005, S.33.*

обрамлении отдельно от остального текста) занимает 33 листа (66 страниц); на каждой странице 21 строка. Обложка и кайма книги отделаны красной кожей и покрыты позолотой. Копия и мастер произведения неизвестны. Экземпляр Йылдыз также написан каллиграфическим почерком и покрыт позолотой; автор копии неизвестен.

В работе мы использовали текст из рукописи Топкапы. На русский язык он переводился; впервые был опубликован в 1942-1943 гг. турецким историком Фаиком Решитом Унатом (Faik Resit Unat) в журнале «Tarih Vesikaları» («Исторические документы»)¹⁰. В данной работе ссылки делаются на текст сефарет-наме из второй, более современной и точной публикации этого документа в приложении к диссертации Айдына Мертаяка «Посольство Нишли Мехмета Аги в Россию (1722-1723гг.)», защищённой в 2005 г. в университете Гази Осман паша¹¹.

Посольские грамоты или «сефарет-наме» представляют собой важный разряд исторических документов, значимость которых, в данном случае для истории России, неоспорима. Большая часть этих документов до сих пор редко используются российскими исследователями и поэтому они тем более заслуживают публикации. Этот рассказ о первом в XVIII в. турецком посольстве в Россию позволяет нам судить о том, как удалось урегулировать конфликт между двумя империями. Для сравнения я использовала данные из российских документов (Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи МИД РФ о приеме турецкого посла в Москве и его переговорах с дипломатами Петра I¹².

¹⁰ Karıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefaretnamesi // Tarih Vesikaları. Ankara, 1942-43. Ciltli. Sayı 10. S. 284-299; Sayı 11 (Şubat 1943). S. 352-371; Sayı 12 (Nisan 1943). S. 462-472.

¹¹ *Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722—1723)*. Tokat, 2005

¹² Бытность в Москве турецкого посланника капичи баши Нишли Мегмет Аги и с ним везирского Осман аги // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12; В данной работе ссылки делаются на текст сефарет-наме из приложения к неопубликованной диссертации, защищённой в 2005 г. в университете Газиосманпаша: *Mertayak Aydın. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722—1723)*. Tokat, 2005.

Значительную трудность при исследовании текста представило написание имен и географических названий при переводе на русский язык. Однако если имена действующих лиц можно определить при обращении к российским дипломатическим документам, то отождествить название населенных мест, через которые проезжало посольство, удастся не всегда – в таких случаях в тексте мы ставили вопросительный знак. При публикации сефарет-наме на турецком языке ее авторы обозначали указанные в нем даты по новому европейскому стилю, не совпадавшему с датировками по принятому в России старому стилю. Поэтому в нашей работе мы указывали две даты, одну из них - в скобках.

В соответствии с целью и задачами работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии. Частично результаты исследования отражены в выступлении автора «Посольство Нишли Мехмеда Ага в Россию в 1722-1723 гг.» на международной конференции «Исторические источники евроазиатских и северо-африканских цивилизаций: комплексные подходы» во время съезда молодых востоковедов России и СНГ (Звенигород, 3-5 октября 2012 г.)

ГЛАВА I. РУССКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРУТСКОГО ПОХОДА 1711 Г. В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

§1.1. От Прутского похода к договору о «вечном мире 1720 г.

Условия мирного договора, подписанного с царем 22 июня 1711 г., были благоприятны для Османской империи. Согласно договору русские должны были вернуть крепость Азак (Азов), разрушить крепость Таганрог и другие крепости вдоль Днепра, не вмешиваться во внутренние дела Польши и предоставить свободный пропуск находившегося в Турции шведского короля Карла XII на родину. Как считает профессор А.Н. Курат из университета Анкары, не были предоставлены серьезные гарантии выполнения указанных выше условий и не были установлены сроки для их выполнения; в этом смысле «в истории международных договоров нет иного договора, схожего с Прутским мирным договором»¹³.

Пётр I, несмотря на подписанный им договор, не спешил передать Азов и выполнить другие условия договора. Огорчённый Карл XII обвинил везира в том, что он сознательно выпустил русских из ловушки и султан снял его с должности, опасаясь военного восстания. Турецкий султан Ахмед III еще три раза объявлял России войну, и только умелые действия посла в Константинополе П.А. Толстого и П.П. Шафирова предотвратили разрастание конфликта. Помогло и посредничество послов Англии и Голландии¹⁴, и «очищение» Азова и снос крепостей Таганрог и Каменный затон согласно условиям договора. В результате главный сторонник войны – крымский хан Девлет Гирей был сослан на остров Хиос, а Карл XII попал под домашний арест в Эдирне. Согласно новому договору, подписанному с Россией 5 июня 1713 г., был обеспечен вывод русских войск из Польши, возвращение Карла XII в свою страну и передача русскими территорий на

¹³ Kurat A. N. Türkiye ve Rusya Kültür Bakanlığı Yayınları. Ankara, 1990. S. 21.

¹⁴ Shaw S. Osmanlı İmparatorluğu ve Modern Türkiye. İstanbul, 1994. S. 315.

берегу Чёрного моря. Так был решен вопрос о северной границе Османской империи.

Под конец Северной войны коалиция противников Швеции распалась, и Пётр I опасался, что после завершившего войну Венеции и Австрии с Турцией Пожаревацкого мира 1718 г. Османская империя будет помогать шведам. Для предотвращения данного обстоятельства царь отправил в 1719 г. в Стамбул в качестве посла Алексея Ивановича Дашкова. Русскому дипломату удалось добиться изменения пункта мирного договора: русским войскам было позволено входить в Польшу, что привело к большим трудностям для Османской империи в будущем¹⁵. Но желавший жить в условиях мира новый великий везир Дамад Ибрагим-паша Невшехирли¹⁶ согласился на эти условия.

После достижения договоренности 16 октября 1720 г. между Россией и Османской империей был подписан новый договор¹⁷. Османская империя согласилась препятствовать установлению наследственной королевской власти в Польше и отменить выплаты («поминки»), уплачиваемые русскими крымским ханам. Дамад Ибрагим-паша не смог осознать значение существования сильной Польши для противовеса России, но считал успехом то, что не признавал императорский титул Петра I и обращался ему только как к «царю». Договор дал России больше возможности вмешиваться во внутренние дела Польши. Как считал Ф. Р. Унат, Высокая Порта была обеспокоена действиями России на Северном Кавказе по отношению к лезгинам Дагестана и Кабарды, чьё подданство

¹⁵ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi*. Ankara. 1988. S.149-150. Автор отметил, что «отныне русские могли вводить войска в Польшу с целью защиты Республики против того, кто силой хочет стать польским королем...».

¹⁶ Дамад Ибрагим Паша Невшехирли (1660–1730), родился в Мошкаре (ныне Невшехир). Прибыл в Стамбул в 27 лет, чтобы проведать родственников и с их помощью устроился работать во дворце в качестве мастера по приготовлению халвы. Позднее стал балтаджи – стражником в гареме султана. В 1703 году был назначен преподавателем Ахмеда III. После завоевания Морей в 1715 году стал военным казначеем, затем - казначеем Ниша. После войны с Австрией и Венецией 1715-1718 гг. султан назначил его 9 мая 1718 г. великим везиром. Был убит во время восстания Патрона Халила в Стамбуле 30 сентября 1730 г.

¹⁷ *Mu'âhedât Mecmu'ası*. Vol. III. S.229-237.

Османской империи была довольно формально¹⁸. Кроме того, «множество действий, предпринятых русскими вблизи Астрахани на границах с Крымом и на побережье Каспия, стали причиной возникновения угрозы новой войны»¹⁹.

В это время кабардинцы считались подданными Крымского ханства. Царь признавал этих горцев подданными султана, но после вторжения в Кабарду крымского хана Саадет Гирея III и его поражения в 1721 г. часть кабардинских князей во главе с Арслан-беком Кайтукиным принесли А. П. Волынскому присягу на верность России. Но в 1722 г. Россия признала Кабарду крымской «сферой влияния»²⁰.

Ещё одной проблемой для Стамбула стали планы Петра I по отношению к Ирану. Там подняли восстание афганские племён абдали и гильзаи, захватившие Герат и Кандагар. Несмотря на все попытки правительственных войск, вернуть утраченные провинции не удалось, и в 1720 году Махмуд, сын Мирвейс-хана, начал поход на Иран. В Азербайджане и Дагестане местное суннитское население восстало против иранцев-шиитов. В октябре 1722 г. шах Султан-Хусейн был вынужден отречься от престола в пользу предводителя афганцев Махмуда. Повстанцы-сунниты Ширвана обратились к османскому правительству за помощью, чтобы дать отпор захватчикам, «отомстить за убийство женщин, оскорбление мечетей, превращение их в стойла, уничтожение религиозных книг и жестокою расправу с учеными богословами в период правления шиитского шаха Хусейна»²¹. С этой целью они просили назначить вожака

¹⁸ *Unat F. R.* Osmanlı Sefirleri ve Sefâretnâmeleri, Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1992, S. 62; Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi. S. 251.

¹⁹ *Unat F. R.* Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // Tarih Vesikaları Dergisi, 1942, Sayı: 10. S.284.

²⁰ См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991 С. 42—43. Турецкий посланник, Мустафа-ага подал в марте 1722 г. императору ноту протеста, в которой требовал не строить в Кабарде крепостей, «понеже они, подданные хану крымскому», и Пётр I принял эти условия (Рахаев Ж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2008. С.23-24).

²¹ *Hammer J. V.* (1991), Büyük Osmanlı Tarihi, (Tercüme: Vecdi Bürün), XIII/7, Üçdal Neşriyat, İstanbul, S. 294.

повстанцев Дауд-бека (или Хаджи Дауда) губернатором Ширвана.

Великий везир Дамад Ибрагим-паша хотел воспользоваться беспорядками в Иране. После неудачной попытки заключить союз с Францией он считал, что союз с русскими против Ирана послужит во благо Османской империи²². России, как великой державе был нужен доступ к теплым морям за пределами её сложившихся границ на Евразийском континенте²³. Чтобы превратить Каспий в российское море, проложить путь в Индию через Иран, а также через Хиву и Бухару и взять под контроль торговлю шёлком Пётр I стремился утвердить российское влияние в Центральной Азии и обеспечить доступ к Индийскому океану²⁴. Как полагает ряд авторов, Петр I начал применять свой план с завоевания Кавказа²⁵.

Во время войны Османской империей против Венеции и Австрии Пётр I приступил к детальному изучению Северного Кавказа с экономической, политической и географической точки зрения – что не раз отмечалось турецкими историками²⁶. Географические исследования Кавказа начались в 1716 г. Поручик Кожин, отправившийся в это время из Астрахани через море, составил карту маршрутов и портов на Каспийском море.²⁷ Готлиб Шобер, отправленный на Северный Кавказ в 1719 году, исследовал земли, растительный покров и сельскую жизнь региона; горный деятель Иван Блюер изучил природные ресурсы. Губернатор Казани и Астрахани Артемий Волынский проводил нефтяное разведочное

²² *Unat F. R.* Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // *Tarih Vesikaları Dergisi*, 1942, (II/X). S. 284.

²³ *Hauer M.* Rusya'nın Orta Asya'daki Jeopolitik ve İdeolojik İnkilemleri // *Akdeniz'den Hindistan'a Türk-İran Esintileri*. /çev. Ömer Avcı, İstanbul, 2005. S. 239.

²⁴ *Olson R.* The Siege of Mosul: War And Revolution in the Ottoman Empire, 1720-1743, Yayınlanmış Doktora Tezi, Indiana University 1973, s.75; *Bilge M. S.* Osmanlı Devleti ve Kafkasya, Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasi, Askeri, Tarihi ve İdari Taksimatı (1454-1829), İstanbul 2005, S. 97; *Kafli K.* Kuzey Kafkasya, İstanbul 2004, S. 112-113.

²⁵ *Bala M.* Çerkesler // *İslam Ansiklopedisi*, İstanbul, 1993. S. 381.

²⁶ *Bilge M. S.* Osmanlı Devleti ve Kafkasya, Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasi, Askeri, Tarihi ve İdari Taksimatı (1454-1829), İstanbul, 2005. S.101.

²⁷ Там же. S. 101.

бурение в Чечне и бассейне реки Терек²⁸. В 1718 году Урусов продолжил исследования поручика Кожина, начатые в 1716 г., и составил карту течений, портов и рек на западных берегах Каспийского моря от Астрахани до Гилана. Карты северной части Каспийского моря были составлены в 1719 г. Русская гидрографическая служба начала систематические исследования Каспия с 1720 г.²⁹

Петр I в 1712 г. заложил фундамент будущей Терской линии, которая должна была обеспечить ему как демографическую, так и стратегическую поддержку³⁰ - и, как полагает Исмаил Беркок, прервать связь между Кавказом и Крымом³¹. Турецкие авторы отмечают, что в лице армян Петр I видел естественных союзников. Начиная с 1718 г., он разрешил им поселяться в бассейне реки Терек³²; в 1719 г. предоставил все права, предоставленные приверженцам католической церкви, также и армянам, живущим в России.³³ Крымские ханы, следившие за действиями России на Кавказе, также пытались найти себе союзников на Кавказе. Но их попытки не увенчались особым успехом и не дали ожидаемых результатов³⁴.

В это время один из офицеров гвардии Петра I кабардинского происхождения - Александр Бекович Черкасский в своем отчете, отправленном царю в 1714 г., сообщал, что Османская империя пыталась переманить на свою сторону дагестанских суннитов; и если Россия не завоюет берега Каспийского моря, то эти территории окажутся под влиянием Османской империи.³⁵

²⁸ Там же, S. 101; *Budak M.* Rusya'nın Kafkasya'da Yayılma Siyaseti / *Türkler*, S. 490.

²⁹ *Külbilge İ.* 18. Yüzyılın ilk yarısında Osmanlı-İran İlişkileri (1703-1747)./ Ege Üniversitesi. S. 101.

³⁰ *Kaflı K.*, Kuzey Kafkasya. İstanbul 2004. S. 106-108; *Baddeley J. F.* Rusların Kafkasya'yu İstilası ve Şeyh Şamil. İstanbul. S. 42.

³¹ *Berkok İ.* Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958. S. 359.

³² *Bilge M. S.* Там же. S. 101.

³³ *Arslan A.* Rusların Güney Kafkasya'da Yayılmalarında Ermeni Eçmiyazın Katogigosluğu'nun Rolü // *Kafkas Araştırmaları*, 1996. S. 21.

³⁴ *Ahmadov Y.* Çeçen-İnguşa Halkıyla Rusya Arasındaki İlişkiler. İstanbul 2000. S. 48.

³⁵ *Bilge M. S.* Там же. S. 100.

Официальной миссией посольства Артемия Волынского в Иран было требование возмещения за погром русских купцов России в Шемахе, но его истинной задачей было изучить состояние Сефевидского государства и известить об этом Петра I. Царь требовал от посла узнать «все места, пристани и города и прочие поселения и положения мест», а также «есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие и «какие где в море Каспийское реки большие впадают». Столь же важной задачей был сбор сведений об укрепленных городах и о вооружении шахских войск. Особо интересовали Петра отношения с Османской империей: Волынский должен был «сколько можно им, персам, добрыми способами внушать, какие главные неприятели они, турки, их государству и народу суть, и какова всем соседям от них есть опасность»³⁶.

Иранская миссия Волынского продолжалась около двух лет, и после возвращения он представил составленный им отчет Петру I³⁷. Согласно данному отчету государство Сефевидов находилось в очень плохом состоянии, как с экономической, так и с военной точки зрения. Пётр был доволен; он назначил Волынского губернатором Астрахани и поставил перед ним задачу подготовки будущего похода³⁸.

³⁶ *Bilge M. S.* Там же. S. 100; *Uras E.* Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi. İstanbul 1976. S. 755 .

³⁷ *Saray M.* Türk İran İlişkileri. Ankara, 1999. S. 66.

³⁸ *Gilanentz S.P.* Kronoloji: Osmanlı-İran-Rus İlişkilerine Ait İki Kaynak; I-Petros Di Sarkis Gilanentz'in Kronolojisi, 2-Nadir Şah Devrine Ait Bir Anonim Kronoloji. İstanbul, 1974. S. 50.

§1.2. Персидский (Кавказский) поход Петра I

Петр I не опасался ни сефевидской армии, ни афганцев. Истинную опасность представляла Османская империя, имевшая религиозные и политические связи с регионом в течение многих столетий. Поэтому Петр I хотел занять стратегические позиции, которые обеспечивали бы ему преимущество перед столкновением с Османской империей, так как он не сомневался в османском вмешательстве³⁹. По мнению турецких исследователей, наступление на Кавказ стало для России неизбежной стратегией. Петр верил, что у него в руках есть очень важный козырь. Между Османской империей и государством Сефевидов был заключен мир. У Османской империи не было причин напасть на земли Сефевидов. А у России были, как политические, так и стратегические причины⁴⁰ - тем более, что грузины просили помощи у России, а также имелся повод и для вмешательства - компенсация за жизни и имущество русских купцов, убитых в Шемахе в 1721 г.⁴¹ Политическая ситуация также была благоприятна для России; с подписанием Ништадтского мирного договора 1721 г. завершилась война между Швецией и Россией. Россия теперь получила возможность сосредоточить силы для наступления на Кавказ⁴².

Начиная поход, император приказал подготовить декларацию на турецком, татарском и персидском языках для отправки в Дербент, Баку и иранскую провинцию Гилян. В этой декларации Петр I указал, что его цель - наказать преступников, убивших русских купцов, но никому не нужно покидать свое место, опасаясь русской армии. Таким образом, Петр I намеревался препятствовать поддержке Хаджи Дауда, а также предотвратить бегство населения – своих будущих подданных⁴³.

³⁹ *Külbilge İ.* Там же. S. 106.

⁴⁰ Там же. S. 106.

⁴¹ Там же. S. 106.

⁴² *Beydilli K.* Osmanlı-İsveç Münasebetleri // İsveç. S. 412.

⁴³ *Aydın M.* Üç Büyük Gücün Çatışma Alanı, Kafkaslar. İstanbul, 2005. S.29

По плану Петр I должен был встретиться с царём Восточной Грузии (Картли) Вахтангом VI в Гяндже. Его поддержали и восставшие во главе с Давид Бекон армяне. Карабахские армянские мелики собрали 1,2-тысячную армию, присоединились к грузинской армии вблизи Гянджи и ждали прибытия русской армии для наступления на Шемаху, которая находилась в руках у Сурхай хана и Дауд-бека.⁴⁴ Из мусульман на стороне Петра оказался тарковский шамхал Адиль Гирей, который перешёл под покровительство России ещё в 1718 г.⁴⁵

Как считает современной турецкой автор И. Кюлбилге, поход Петра I был тщательно спланирован в течение многих лет и являлся только первым шагом крупномасштабной политики⁴⁶. 18 июня 1722 года Пётр вышел с флотом из Астрахани, а русская конница шла по степи.⁴⁷ После выхода на сушу Петр I первым делом отправил письмо царю Картли Вахтангу VI и сообщил ему о том, что они вместе освободят христиан от турецкого правления⁴⁸. Другой турецкой автор М. Бильге пишет о том, что русские убили около 5000 чеченцев и сожгли селение Эндерей, расположенный на берегу реки Акташ, которое якобы принадлежало Крымскому ханству –

⁴⁴ *Süleymanova S. A.* XVIII. Yüzyılda Azerbaycan'ın Güneybatısındaki Osmanlı Sınır Muhafızları // *Osmanlı*. S. 634; Фахреттин Чилоглу утверждает, что Вахтанг VI присоединился к Петру I с 30-тысячной армией. Но армия Вахтанга VI даже не встретилась с армией Петра I в ходе Кавказского похода. Кроме того, если Вахтанг VI мог собрать такую многочисленную армию, то он бы наверняка остановил османские войска в 1723 году или победил бы Мухаммад-Кулу Хана, напавшего на Тбилиси (*Çiloğlu F. Gürcülerin Tarihi: Dilden Dine, Edebiyattan Sanata, İstanbul, 1993. S. 60*).

⁴⁵ *Süleymanova S. A. Там же.*

⁴⁶ *Külbilge. İ.* Там же. S.119.

⁴⁷ *Bilge M. S.* S. 104; Джордж А. Бурнютян и Мустафа Будак ошибаются, когда утверждают, что Петр I начал Кавказский поход после того, как Исфahan был захвачен афганцами “Eastern Armenia from the Seventeenth Century to the Russian Annexation”, Richard G. Hovannisian, *Ancient to Modern Times: Foreign Dominion, To Statehood: the Fifteenth Century to the Twentieth Century*, New York, 2004. P. 87; *Rusya' nın Kafkasya' da Yayılma Siyaseti // Genel Türk Tarihi. Ankara 2002. S. 645*; Ибрахим Юксель ошибается, когда датирует Кавказской поход 1724 годом, ссылаясь на изданную в Египте книгу “Çarlık Rusyası'nın Azerbaycan'ı İstilas ve Osmanlı Devleti'nin Tutumu ”// *Kafkas Araştırmaları*, sayı: 1, 1988. S. 25.

⁴⁸ *Armenians and Russia 1626-1796: A Documentary Record*, George A. Bournoutian. / Costa Mesa 2001. S. 95.

чем, по мнению историка, открыто бросил вызов Османской империи на Кавказе⁴⁹.

Петр прибыл в Тарки (столицу одного из крупнейших владетелей Дагестана – тарковского шамхала) 13 августа. С 16 августа он продолжил поход⁵⁰. В это время хан и знать Баку отправили Петру I письмо, в котором желали ему успехов и просили направить русские отряды в Баку.⁵¹ Русская армия вступила на территорию Кайтага и победила 6-тысячное войско утамышского князя⁵².

Турецкий историк Ш. Эрель полагает, что царь пришёл в Дагестан с 130-тысячной армией. В его составе была 79-тысячная конница из драгун, казаков, татар и калмыков; морем на 271 кораблях везли пехоту и боеприпасы⁵³. Он же утверждает, что Петр I безжалостно убивал пленных из числа местного населения; эти действия продемонстрировали жестокий характер русских, стали позором цивилизованного мира и плохим примером для русских генералов, позже прибывших в регион⁵⁴.

Беи Дербента, узнавшие об участии Кайтака, вручили Петру I ключи от ворот города 30 августа 1722 г.⁵⁵ Этот успех имел огромное значение для Петра, потому что Дербент закрывал единственный путь между морем и горами в Закавказье. Однако отсутствие порта в городе и частые в

⁴⁹ *Bilge M. S.* Там же. S. 104.

⁵⁰ *Erel Ş.* *Dağıstan ve Dağıstanlılar.* İstanbul, 1961. S. 102.

⁵¹ *Aşurbeyli S.* *Bakı Şehrinin Tarixi.* Bakı, 2006. S. 205.

⁵² *Bilge M. S.* Там же. S. 104.

⁵³ *Erel. Ş.* Там же. S. 101.

⁵⁴ *Erel. Ş.* Там же. S. 102.

⁵⁵ *Buniyatov Z. M.* *Dağıstan // Diyanet İslam Ansiklopedisi.* Сер. 8. S. 405; *Köse E.* 18. уу *Başlarında Kafkaslarda Nüfuz Mücadelesi.* İstanbul 1996. S. 58; *Derbend Hanlığı // Türk Ansiklopedisi.* Сер. 13. S. 89; Александр Григорянц датирует данное событие 7 сентября, но ошибочно указывает при этом 1720 год (*Kafkasya Halkları, Tarihi ve Etnografik Bir Sentez. / çev.Doğan Yurdakul.* S. 21; *Ahmet III // Türk Ansiklopedisi,* Сер. I. S. 246). Народ и знать встретили Петра I хлебом и солью у ворот Дербенда. Дербендский хан выступил с речью и сказал, что нет ничего естественнее передачи того, что построил Александр Великий, тому, кто не менее велик. Затем он передал ключи от ворот Петру I на серебряном подносе. В тот день случилось землетрясение. Петр I истолковывал это, как раскачивание Богом городских стен под его ногами в честь его вступления в город (*Şihverdiyev K. Katherina II (1729-1796): Döneminde Rusya Müslümanları.* Kayseri, 2006. S. 32.

Каспийском море штормы не давали возможности долго держаться городу в случае блокады⁵⁶. Захват подобной точки имел огромное значение для России с точки зрения будущих походов в Кавказ.

Пётр думал, что взяв Дербент, он стал правителем всего Дагестана, и был очень рад этому. Он сравнил себя с Александром, победившим Дария, и сказал: «Александр Великий построил этот город, а Петр Великий захватил его». Он приказал восстановить крепость Дербента и построил два укрепления на реках Моллакент и Орта Бугат. Однако его войска в тылу подвергались набегам дагестанцев. Корабли, перевозящие припасы, терпели крушение из-за штормов. Эти привело к трудностям с провизией для армии; солдаты и скот начали погибать от голода. В числе таких причин Ш. Эрель называет и требование не названного по имени посла Османской империи Петру с просьбой отступить от Дагестана – но не указывает, кто это и когда он был у царя⁵⁷. Другие авторы считают, что царь отказался от похода на Ширван, опасаясь реакции Османской империи⁵⁸ и столкновений с отрядами Хаджи Дауда⁵⁹.

Вахтанг VI написал Петру 15 августа, что с нетерпением ждет встречи с русской армией⁶⁰. Однако, он был разочарован, получив от посланника царя известие о том, что поход завершен. Сефевидские сановники в регионе обвиняли Вахтанга VI в лицемерии. Османская империя также убеждала его присоединиться к ней. Вахтанг VI надеялся, что в следующем году Петр I прибудет в Ширван, и поэтому он поддерживал дружбу с Сефевидами и Османской империей.⁶¹

Перед возвращением Петр приказал своим генералам захватить Баку и южный берег Каспийского моря и построить крепость Святого Креста в

⁵⁶ *Kaflı K. Kuzey Kafkasya. İstanbul, 2004. S. 115.*

⁵⁷ *Erel Ş. Там же. S. 102.*

⁵⁸ *Camalov G. Azerbaycan Hanlıklarının Rusya Tarafından İşgal Edilmesinde İran'ın İkili İlişkiler Siyaseti // Türkler, çev. Sadık Sadıkov, S. 533.*

⁵⁹ *Çakmak M. A. XVIII. Yüzyılda Kafkasya // Osmanlı, S. 616.*

⁶⁰ *Armenians and Russia 1626-1796: A Documentary Record, George A. Bournoutian./ Costa Mesa, 2001. S. 96.*

⁶¹ *Berdzenişvili N., Canaşia S. Gürcüstan Tarihi. İstanbul, 2000. S. 268-269.*

устье реки Сулак⁶². Сам он 13 декабря прибыл в Москву.⁶³ Так завершился Кавказский поход, продолжавшийся около пяти месяцев. Хотя Петр I больше не смог побывать на Кавказе, с этого времени присутствие России в этом регионе продолжается около трех столетий.

⁶² *Aşurbeyli S.* Bakı Şherinin Tarixi. Bakı, 2006. S. 209.

⁶³ *Bilge M. S.* Там же. S. 106; Речь идет о внешней политике России в течение 18 века. Интересный пример, в котором успешно подводится итог по данному вопросу, не сказав ни слова, о кавказской политике Петра I и его преемников. См.: *Ragsdale H.* Russian Foreign Policy, 1725-1815 // *The Cambridge History of Russia*, vol. II, Imperial Russia, 1689-1917, Cambridge 2006, P. 504-529; А. Т. Вилкс утверждает, что Петр I отправлял армию на Кавказ, чтобы воевать против иранцев и Османской империи. Петру I не было необходимости вступать в полномасштабную войну против иранцев на Кавказе. У него не хватало военной силы воевать против Османской империи. Поэтому этим двум государствам одновременно не была объявлена война (*Ibidem*, P. 36).

§1.3. Османская империя и Россия после Персидского похода: переговоры и заключение договора 1724 г.

Великий везир Дамад Ибрагим-паша был против военного вмешательства, однако он не мог открыто выступать против мнения духовенства в вопросе о необходимости вторжения на территорию Сефевидов. Он сумел убедить представителей духовенства в том, что для вступления в войну, прежде всего, необходимо падение Исфахана. В это время вести о Кавказском походе России еще не достигли Стамбула. Поэтому решение вопроса о вторжении в Иран было оставлено до завершения осады Исфахана и уточнения намерений Махмуда. В этом смысле ситуация в государстве Сефевидов не представляла собой угрозы основным интересам Османской империи⁶⁴.

Дагестанцы отправили делегацию в Стамбул с повторным требованием о назначении Хаджи-Дауда их правителем и принятия Дагестана под покровительство Османской империи, о чём подробно рассказал Исмаил Узунчаршылы⁶⁵. Делегация достигла Стамбула в сентябре 1722 г. После переговоров было решено считать Дагестан турецким владением, поскольку он когда-то уже был в составе Османской империи, а позже перешел под власть Сефевидов. Губернатору Эрзерума Ибрагим-паше было отправлено сообщение о том, что Дагестан принят под покровительство Османской империи и в случае нападения со стороны Сефевидов ему необходимо поддержать дагестанцев⁶⁶. Когда весть о

⁶⁴ *Ahmadian B. A. Ottoman State and the Caucasus // XIII. Türk Tarih Kongresi. Ankara 4-8 Ekim 1999: Kongreye Sunulan Bildiriler. S. 1-9.*

⁶⁵ *Şem'danizade Fındıklılı Süleyman Efendi, Mür'it-Tevarih, Beyazıt Devlet Kütüphanesi, цит. no: 5144, vrk. 333a; Uzunçarşılı. Там же. S. 188.*

⁶⁶ *Uzunçarşılı İ. H. Там же. S. 188; Ученые Дагестана посещали Алеппо и Дамаск начиная с конца 17 века, изучали арабский язык и основы фикха. Это способствовало возникновению группы проосманского духовенства в Дагестане. Поэтому будет неверно истолковывать связи дагестанцев с Османской империей только определенными политическими интересами. Barthold W., Bennigsen A. Daghistan // Encyclopaedia of Islam, Sayı. II. P. 87.*

наступлении России на Кавказ достигла в Стамбул в сентябре 1722 г.⁶⁷, все планы изменились. Ахмед III вкратце изложил свое мнение после того, как узнал об этом событии; в указе великому везиру, датированном сентябрём 1722 г. Ахмед III считал, что Пётр и «тбилисский хан» (царь Картли Вахтанг VI) являются союзниками. Петр I намерен захватить Ширван и Гянджу. Османской империи необходимо было опередить Россию и завоевать Тбилиси и Ереван. Таким образом, Россия не сможет продолжать наступление на территории Сефевидов, чтобы не нарушить мир с Османской империей⁶⁸. Турецкий историк Илкер Кюлбилге считает, что султан приказал уточнить, будет ли Россия поддерживать Тбилисского хана в случае похода на Тбилиси, и спросил губернатора Эрзуруму визиря Ибрагим-паши сколько солдат ему потребуется, чтобы организовать поход на Тбилиси⁶⁹.

Исследователи сообщают о принятых османским правительством мерах. Паша Карса запретил армянам переходить в Ереван, утверждая, что армянская церковь сотрудничала с Россией. Кроме того, по приказу из Стамбула был запрещен экспорт зерновых на территорию Ирана из приграничных регионов Турции⁷⁰. Губернаторам приграничных провинций было приказано не оставлять свои посты и немедленно отправиться в центры провинций из-за наступления России на Кавказ⁷¹.

Официальные лица Оттоманской Порты (Баб-и-Али) понимали, что истинной целью наступления России на Кавказ была завоевание западного побережья Каспийского моря, и было решено быстро принять меры для защиты Ширвана от русской оккупации. Губернатору Карса Сары Мустафе-паше, в подчинение которому была предоставлена также провинция Трабзон, в сентябре 1722 г. было приказано вместе со своими

⁶⁷ *Shay M. L. Venedik Balyoslarının Bakışıyla Osmanlı İmparatorluğu, Lale Devri ve Sonrası (1720-1734). İstanbul, 2009. S. 127.*

⁶⁸ *Külbilge İ. Там же. S.127.*

⁶⁹ *Külbilge İ. Там же. S.127.*

⁷⁰ *Gilanentz S. P. Там же S. 34*

⁷¹ *Külbilge İ. Там же., S. 128*

войсками отправиться к правителю Ширвана Хаджи Дауду и зимовать в Шемахе. Были отправлены новые приказы для усиления поддержки эрзурумского Ибрагим-паши и направлении войск на грузинский фронт⁷².

В Россию срочно было отправлено посольство Нишли Мехмед-ага (рассмотрение его миссии будет изложено в следующей главе), который вернулся в Стамбул 25 мая 1723 г.⁷³ Но, как утверждал официальный историограф султана Исмаил Асым, в середине июня того же 1723 г. Баб-и-Али резко ответила на письма Петра I, которые привез Нишли, и заявила, что никакому государству не будет дозволено присутствовать на побережье Каспийского моря, так как это угрожает безопасности Османской империи⁷⁴. Пётр I ответил на это тем, что отправил в Стамбул письма жителей Дербента и Баку с просьбой о покровительстве России. Эти письма были доставлены в конце июня.

Резидент России в Стамбуле потребовал встречи с османским правительством⁷⁵. В качестве условия проведения переговоров он предложил, чтобы Османская империя не отправляла войск в Ширван до завершения переговоров взамен отказа царя от походов в Каспийское море. Порта считала, что никто не может препятствовать отправлению войск Османской империей на земли, находящиеся под защитой падишаха. Поэтому подобное требование не могло быть принято в качестве условия для начала переговоров. После этого резидент России заявил, что он был уполномочен вести переговоры при этих условиях, а если они не будут приняты, то ему нужно время для того, чтобы получить новые инструкции. Поэтому переговоры были отложены на 90 дней, но было принято предложение посла Франции о приостановлении военных действий обеими

⁷² *Külbilge İ.* Там же., S.127.

⁷³ *Shay M. L. Venedik Balyoslarının Bakışıyla Osmanlı İmparatorluğu, Lale Devri ve Sonrası (1720-1734).* İstanbul, 2009. S. 138, 140.

⁷⁴ *Küçükçelebizade İ. A. Asım Tarihi.* İstanbul, 1840. S. 57-58.

⁷⁵ Там же, S. 58.

государствами на побережье Каспийского моря до возобновления переговоров⁷⁶.

Хотя в этот период отложения переговоров Османская империя пыталась освободить Баку от русской оккупации, но ей это не удалось из-за медлительности главнокомандующего Ширвана. Когда начались переговоры, турки были озлоблены тем, что русские захватили Баку. Данное обстоятельство стало причиной бескомпромиссной позиции османских дипломатов. После истечения срока, переговоры были возобновлены в конце декабря 1723 г.⁷⁷ Но к тому времени Пётр I уже подписал с иранским послом договор об уступке России нескольких провинций, в том числе Ширвана и Гиляна⁷⁸. По мнению Илкера Кюлбилге, Россия утверждала, что заключенный ею договор с якобы послом принца Тахмаспа был утвержден принцем Тахмаспом, хотя на самом деле Тахмасп не утвердил этот договор. Ссылаясь на этот документ, Россия пыталась утверждать, что она имеет право продвигаться по каспийскому побережью и Кавказу. Россия настаивала на этом утверждении до подписания соглашения⁷⁹.

Данное утверждение было неприемлемым для Османской империи. Турки считали, что Дербент являлся мусульманской территорией, и так как государство Сефевидов распалось, то Османская империя теперь является естественным владельцем этих земель. К тому же Россия захватила Баку и начала строительство крепости вблизи Решта. Россия основывала все эти действия на договоре, заключенном с наследником последнего шаха Султана Хусейна - принцем Тахмаспом. Но это не имело никакой основы. Потому что, если шах Султан Хусейн жив, принц Тахмасп не имел полномочий заключать договор и передавать территорию. Если Россия настаивает на том, что является другом Османской империи, то она должна

⁷⁶ Там же. S.58-59.

⁷⁷

⁷⁸ *Asım*. Там же. S. 139-140.

⁷⁹ *Külbilge İ.* Там же. S.156.

немедленно оставить Дербент и Баку и отказаться от постоянного упоминания о договоре, заключенном с принцем Тахмаспом⁸⁰.

По мнению изучавшего этот вопрос Илкера Кюлбилге, османские дипломаты ответили на утверждения российской стороны двумя аргументами, один из которых сильный, а другой слабый. Слабым аргументом являлось то, что падишах провозгласил себя преемником иранской династии Сефевидов. Второй аргумент был серьезнее: принц Тахмасп не имел никакого права уступить России территорию Ирана, пока был жив его отец – шах Султан Хусейн. Историк полагает, что если бы переговоры велись с этой позиции, и вместо мифологического утверждения о преемстве османская делегация сконцентрировалась бы на том, что принц Тахмасп не мог выступать в качестве правителя, и поэтому заключённый им договор не имел силы, резиденту России было бы трудно настаивать на своих утверждениях. Он же сожалеет, что султан не направил к Тахмаспу посланника и не спросил у него о действии данного договора, якобы заключённого им с Россией⁸¹.

Тот же историк указывает, что при выработке внешнеполитической линии важную роль играли два фактора. Великий везир Дамад Ибрагим-паша и французский посол маркиз де Бонак не желали войны – каждый по своим причинам. Они считали, что можно заключить договор с Россией и получить земли без войны. Другого мнения придерживалось духовенство и военные чиновники – они считали невозможным заключить договор, причиняющий ущерб чести Османской империи и желали завоевать желаемые земли. Но им даже при поддержке султана было трудно противостоять великому везиру⁸².

Решающее значения на переговорах исследователь придаёт встрече в январе 1724 г. великого везира с российским резидентом Иваном Неплюевым и французским послом маркизом де Бонаком. Во время долгой

⁸⁰ *Asım*. Там же. S. 140.

⁸¹ *Külbilge İ.* Там же. S. 157.

⁸² *Külbilge İ.* Там же. S. 160-161.

беседы Дамад Ибрагим-паша по своей инициативе, не спрашивая мнения султана и других министров, согласился на то, чтобы западный берег Каспия остался российским владением – и сам предложил составить договор и взаимно обменяться согласованными текстами. По мнению историка, на данном этапе переговоров решилась судьба Кавказа до сегодняшнего дня: Ибрагим-паша отдал России всё территорию от Дербента до Баку и отказался от притязаний Османской империи на каспийское побережье⁸³.

Посол России даже признал, что договор с принцем Тахмаспом, в действительности не имеет значения – но Дамад Ибрагим-паша не обратил внимания на это дипломатическое непостоянство⁸⁴. На переговорах, проведенных в 1724 г. главным вопросом был уже не уход России с Кавказа, а определение границ России и Османской империи в Кавказе. Ибрагим Паша различными путями сумел убедить духовенство и военных чиновников, выступивших против него и Ахмеда III, одобрить договор⁸⁵.

Разграничивающий сферы влияния Российской и Османской империй в Закавказье договор был подписан 12 (23) июня 1724 года в Константинополе. Россия сохраняла завоеванные территории на западном и южном побережье Каспия, а к Турции отходили Картли (Восточная Грузия), Эриванское ханство и азербайджанские земли с Шемахой и Тебризом.

В научной литературе отмечается, что результатом этого трактата стал отказ Оттоманской Порты от утверждения, что османский падишах является прямым наследником Сефевидов, и их владения не могут быть переданы Российской империи⁸⁶. Турки обязались не вторгаться в принадлежащие России земли на каспийском побережье⁸⁷ и тем самым

⁸³ Там же. S. 162-164, 168.

⁸⁴ Там же. S. 162.

⁸⁵ Там же. S. 163-164.

⁸⁶ *Jorga N. Osmanlı İmparatorluğu Tarihi (1640-1774). İstanbul, 2005. S. 333.*

⁸⁷ *Külbilge İ.* Там же. S. 168

отказались от борьбы за Каспийское море⁸⁸. Таким образом, Россия получила важное преимущество⁸⁹, но, в свою очередь, отказалась от поддержки Армении и Грузии⁹⁰.

По этому договору Османская империя отказалась от претензий на верховенство в мусульманском мире, которое позволяло ей защищать земли правоверных и охранять торговые пути⁹¹.

⁸⁸ *Olson R.* The Siege of Mosul. S. 83.

⁸⁹ *Teyyüboğlu M. T.* XVIII. Yüzyılın İlk Yarısında Kafkaslarda Osmanlı-Rus İlişkileri / Osmanlı Ansiklopedisi, Ankara, 1999. S. 565.

⁹⁰ *Olson R.* The Siege of Mosul. S. 81-82, 87; *Budak M.* Osmanlı-Rus İlişkilerinde Kafkasya / Avrasya Etüdüleri. sayı: 4, Kış, 1995. S. 105.

⁹¹ *Olson R.* The Siege of Mosul. S. 87.

ГЛАВА 2. «ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД» ПЕТРА I И ПОСОЛЬСТВО НИШЛИ МЕХМЕД-АГИ В РОССИЮ В 1722 – 1723 гг.

§2.1. Прибытие посольства.

1 декабря 1722 г. в пограничную российскую крепость на Дону «Новый транжамент» въехало турецкое посольство во главе с «капычи-баши» (капыджи-баши, «глава привратников» — титул дворцового служащего, исполняющего ответственные поручения) Нишли Мехмед-агой и представителем великого везира Дамада Ибрагима-паши Невшехирли Осман-агой. Султан Ахмед III и его министры были обеспокоены активностью северного соседа в соседнем Иране, где восстания подданных и вторжение афганцев привели к крушению династии Сефевидов; последний шах Султан-Хусейн в октябре сдал столицу и корону завоевателю Махмуду.

Появление в Дагестане русской армии во главе с Петром I дало османским властям повод к подозрениям. 21 сентября резидент был приглашён на аудиенцию к везиру и реис-эфенди (начальник канцелярии великого везира; в его ведении находились все внешние сношения Османской империи). Они предложили Неплюеву искать «сатисфакцию» за погром купцов в Шемахе через турецкую «медиацию»; Ибрагим-паша пожаловался на воинственный дух российского императора: «Государь ваш сорок лет государствования своего всегда в войне препровождает и дабы де хотя малое время возымел покой на своём престоле». Высокие собеседники указали резиденту на «обиды» со стороны русских турецким подданным — но в итоге объявили, что желают мира и отправляют в Россию своего посланника для получения объяснений. За 40 червонных Неплюев узнал от придворного «друга» о состоявшемся 19 сентября совете, на котором было решено не посылать против русских крымского хана⁹². Но резидент сообщал и о сделанных ему «секретно»

⁹² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/1. 1722. №14. Л. 28, 30об.-32об.

предупреждениях: занятие русскими Шемахи турки ещё смогут допустить, но дальнейших «прогрессов» и попыток привести «под свою державу» Грузию не позволят ни в каком случае⁹³.

В октябре Неплюев передал: пятидесятитысячная турецкая армия должна вторгнуться в «персицкую Жоржию» (Восточную Грузию) под предлогом того, что её жители «забунтовали» и делали набеги на «лязгов» (лезгин. — *И. К.*), то есть по тому же поводу, по которому вышел в поход Пётр I. А посольство от «лязгов», добавлял дипломат, уже явилось в Стамбул и «подавает себя» в турецкое подданство. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что прибывший к Неплюеву переводчик как бы от себя рассказал резиденту: туркам известно, что царь к «жоржианам» писал, «дабы они поддались под протекцию к нему», и везир имеет в том «немалое подозрение»⁹⁴.

В последний день уходящего 1722 г. из Стамбула выехал ещё один турецкий посланник – капыджи-баши Мехмед-ага. Он вёз крымскому хану соболиную шубу, саблю и указ о признании его владельцем «над всеми догистанскими землями и князьями»; предводителю лезгин Хаджи Дауду Мехмед-ага должен был доставить грамоту о принятии его «в протекцию к Порте» и передать наказ – выбить русский гарнизон из Дербента и «приобщать оружием к своим владениям» другие персидские земли⁹⁵.

В этой ситуации многое в русско-турецких отношениях зависело от исхода посольства Нишли Мехмеда-аги в Москву. У нас есть возможность сопоставить российскую документацию об этой миссии и её переговорах с дипломатами Петра I⁹⁶ с донесением о поездке («сефарет-наме») турецкого дипломата⁹⁷.

⁹³ Там же. Л. 12, 26; Соловьёв С. М. Соч.: В 18 т. М., 1993. Кн. 9. С. 382–383.

⁹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 719–719 об., 721–722.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л. 11-16об. Реляция Неплюева с этим известием была получена в Москве 12 февраля 1723 г.

⁹⁶ «Бытность в Москве турецкого посланника капици баши Нишли Мегмет Аги и с ним везирского Осман аги» (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12).

⁹⁷ Faik Reşit Unat. Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // Tarih Vesikaları Dergisi. 1942. V. 2. №10. P. 284-299; 1943. №11. P. 352-371, №12. P. 462-472. В

Нишли Мехмед-ага (он начал службу в дворцовой страже) был не новичком в дипломатии: везир аттестовал его Неплюеву как «человека доброго состояния», который служил «при цесарском дворе лет с пять и европейским делам заобычен». Однако и для него путешествие оказалось нелёгким. Комендант крымской крепости Еникале Омер-паша пугал его опасностями приграничья. Однако путь до русской границы по зимней степи под охраной турецких всадников оказался спокойным, а в казачьем городке Манычах посланника встретил плац-майор Засецкий со своей командой.

Охрана была обеспечена, но в своём донесении посланник жаловался на то, что вместо необходимых продуктов им предлагали через переводчика деньги. 1 января 1723 г. царь распорядился отпускать посольству (из ассигнованных полутора тысяч рублей) по 20-25 рублей на каждый день, которые турецкие дипломаты приняли⁹⁸. Однако дело было не в недостатке содержания, а в том, что пустынная окраина не могла обеспечить посольство привычным для турок провиантом. Нишли писал, что он и его спутники не знали, где и что могут купить. Похоже, что посольство не было готово к путешествию по относительно диким местам. Уже побывавший с его предшественником в России служитель дивана (государственного совета) Хасан Чавуш упрекал посланника: «Мы в прошлом году отправились в путь с большим запасом всего необходимого, и, несмотря на это, пережили много трудностей. У вас нет ни кастрюли, ни сковородки, да и повара у вас нет. Кто же наготовит столько еды для такого огромного количества народа? Много вы бед потерпите. Вот из наших людей двое умерли, так мы для них даже савана не могли найти» - и

данной работе ссылки делаются на текст сефарет-наме из приложения к неопубликованной диссертации, защищённой в 2005 г. в университете Газиосманпаша (Mertayak Aydın. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722-1723). Yüksek Lisans Tezi (Gaziosmanpaşa Üniversitesi, Tokat, 2005). Об известных сефарет-наме турецких посланников в России XVIII века см.: *Зайцев И.В.* Турки - османы в Москве XVIII века // Восточный архив. 2004. №11-12. С. 40-45.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 1.

Нишли Мехмед-ага вынужден был в итоге признать его правоту⁹⁹. Согласно российским документам, в свите посла повара имелись¹⁰⁰, но они могли оказаться не на высоте в условиях похода и скудости продовольствия. Только однажды посланник был восхищён угощением, приготовленным женой начальника Дубненского гарнизона: «... И в самом деле, такое угощение, как у этой женщины, прежде никто никогда не видел...».

Недоволен был посланник и приставленным к нему переводчиком Антонами; Нишли Мехмед-ага ругал Антонами за деньги, которые были предназначены на приобретение провизии, но оказались потрачены на его собственные развлечения. Кроме того, посланник полагал, что русские сопровождающие ведут их длинным путём, отчего напрасно тратится время путешествия. Путешественники действительно двигались не с курьерской скоростью: они выехали из Транжамента 6 декабря 1722 г., а торжественная встреча в столице состоялась 26 января 1723 г. На 660 верстах пути (через Батаев, Раздоры, Калитву, Валуйки, Усерд, Воронеж, Елец, Ефремов, Дедилов, Тулу, Серпухов) было сделано 40 станов; на некоторых из них посольский «поезд» задерживался по 2 дня. Однако документы Коллегии иностранных дел свидетельствуют, что специальных распоряжений о замедлении прибытия не поступало; скорее задержки можно объяснить поисками лошадей для 80 подвод дипломатов и их конвоя. Пётр I распорядился только о том, чтоб турецких «гостей» не везли через новую крепость на Дону Тавров с его адмиралтейской верфью. По пути посланник особое внимание обращал на крепости – он старался описать их вплоть до тончайших деталей – но деревянные укрепления не

⁹⁹ *Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722-1723)*. P. 18.

¹⁰⁰ В деле Коллегии иностранных дел о приёме турецкого посольства в его составе перечислены сын Нишли Мехмеда-аги, его секретарь, дворецкий, старший денщик («баш чегодар»), ключник («килержи-баши»), ведавшие приготовлением кофе и курительными принадлежностями «кафеджи-баши» и «тютюнджи-баши»; 8 пажей, 10 денщиков-«чегодаров», 3 повара, кучер и «татарин» с двумя слугами. Представителя везира Осман-агу сопровождали 8 человек (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 111).

произвели на него впечатления; «... на всем пути до Сіcatne нам не встретилось крепости, которую можно было бы осадить» - писал он.

Тем временем в Москве срочно приводилась в порядок отведённая турецким посланцам резиденция – «каменные палаты» отписного двора умершего под следствием изобретателя гербовой бумаги и архангельского вице-губернатора Алексея Курбатова. В них оказались «печи худы и окончины побиты»; четыре деревянных «покоя» сдавались внаём, а в «палатах» находился какой-то багаж генерал-майора Юсупова. Помещения были срочно «очищены», а постояльцы и вещи – «сосланы» по предписанию Коллегии иностранных дел Полицеймейстерской канцелярии. После ремонта появилась обстановка (столы и стулья, кровать «с завеском», шандалы, рогожи на полах), заготовлены дрова; все приготовления обошлись казне в 113 рублей 21 алтын.

26 января (6 февраля) 1723 г. состоялась встреча турецкого гостя «у Калужских ворот у Житного двора». Нишли Мехмеда-агу ожидала «государева» карета, рота драгун и 20 гвардейцев «в дорогом платье на добрых лошадях». В карете посла к его резиденции сопровождал бывший российский резидент в Стамбуле Алексей Иванович Дашков; другим «приставом» был назначен также побывавший в своё время вместе с П.А. Толстым в Турции царедворец Василий Блеклый. В донесении посланник отметил, что жители Москвы высыпали на улицы, чтобы приветствовать султанского посла – и сделал вывод о том, что Османская империя пользовалась большим уважением в России.

Нишли Мехмед-ага в высшей степени внимательно относился к протокольной стороне своего визита, чтобы не допустить какого-либо унижения в его лице величия Османской империи. Он, например, подробно описал, где и сколькими пушечными выстрелами его чествовали. Когда знакомый ему по Стамбулу Алексей Дашков послал к нему своего человека с приглашением в гости, то посланник заявил: он может принять приглашение только лично от Дашкова: «Мы же сообщили о том, что мы не

выйдем до тех пор, пока он лично нас не пригласит». Дашков вынужден был лично приехать и пригласить Мехмеда-агу в свой дом, и тогда турок принял приглашение.

Первый визит к канцлеру Г.И. Головкину состоялся 30 января. Нишли Мехмед-ага передал «везирской лист» и вместе с хозяином «пили кофе и имели розговор». Затем 2 февраля имела место официальная аудиенция в Столовой палате кремлёвского дворца в присутствии знатных «персон» и дипломатического корпуса. Посланника с музыкой и барабанным боем встретил батальон Бутырского полка; на парадной лестнице и крыльце стояли преображенские гренадеры с ружьями «на караул».

Нишли Мехмед-ага так описал свою встречу с Петром I: «...мы подошли к дверям в большую залу. Пол в зале был покрыт ветхим, с прорехами, ковром. В углу комнаты стоял трехступенчатый четырёхугольный помост высотой в четыре зиры (1 зира = 75-90 см). На правой стороне помоста стоял какой-то предмет, напоминающий сундук, с пятью ячейками, а на левой стороне – большая скамья, покрытая позолотой. В другом углу комнаты также стояла большая, покрытая позолотой скамья; по обе стороны помоста до самой двери стояли в ряд министры. Сам же царь восседал на троне на возвышении. Когда я вошёл с письмом султана в руках, он поднялся, взял шляпу, которую держал под мышкой; направился к предмету, похожему на сундук, и остановился рядом с ним. Мой сын, держа в руках послание от падишаха, прошел вправо и поприветствовал царя. Я же осторожно развернул ткань, достал послание падишаха и приложился к нему губами, как было заведено. Затем положил его на ткань, подошел к возвышению и поднялся по ступеням. Я приблизился к царю, приложил послание султана к губам, затем ко лбу, и после вручил его. Царь, переговариваясь с главным министром (в тексте «başvekil», очевидно, канцлер Г.И. Головкин - И.К.), подошёл ко мне. Письмо было ему вручено. Он принял его в руки и положил на сундук. Я

сошел с помоста и, отступив на шаг, остановился. Посол Дашков сделал знак рукой: «Отойдите еще на шаг», но я не шелохнулся». «Хорошо, хорошо», - вмешался царь, которого не смутило нарушение протокола.

После вручения грамоты султана («nâme-i-hümâyûn») Нишли Мехмед-ага произнёс речь (её текст он до того передал российским дипломатам) и закончил её словами: «Да будет угодно Богу, чтобы до Османского государства дошли известия о том, что вы, преданный друг, согласно добрым намерениям нашего могущественного и великого повелителя, совершаете действия, направленные на укрепление и продолжение вечного и нерушимого мира, и слова ваши это подтверждают. Да ниспошлет Всевышний вашему величеству долгие годы счастливой жизни! Аминь».

Затем Нишли Мехмед-ага вручил послание великого везира: «Я взял завёрнутое в кусок ткани послание нашего милосердного, могущественного, величественного господина из рук сына, достал послание и поднялся на возвышение перед тронном, направился к царю со словами «Это письмо от нашего могущественного, милосердного и милостивого господина». Царь махнул рукой в сторону главного министра. Я передал ему письмо, он, в свою очередь, положил его на сундук. Царь попросил главного министра передать: «Мы прочитаем письмо падишаха, и назначим человека для его обсуждения». Затем мы вышли, сели в экипажи, ожидающие возле лестницы, и вернулись в наш особняк. Мы дали на чай кучеру, всадникам, капитану и солдатам. Спустя два часа явился человек от царя со словами: «Его величество в знак симпатии прислал вам подарки и угощение. Примите их». Мы ответили: «Да ниспошлет ему Аллах изобилие! Мы с радостью примем дары его величества», и щедро одарили посланника царя»¹⁰¹.

Посланник перечислил угощения с царского стола: «1 бык, 1 телёнок, 3 индейки, 5 уток, 10 кур, 6 голубей, 3 барана, 10 окк (окка – мера веса,

¹⁰¹ Ibidem. P. 95-98.

равная 1,282 кг -И.К.) молока, 6 окк соли, 3 окки сахара, 13 окк риса, 13 окк винограда, 3 окки чая, 11 окк лука, 5 окк чеснока, 80 буханок хлеба, 3 окки конфет, 50 окк яблок, 5 окк рыбы, 1 окку лимонов». Документация Коллегии иностранных дел даёт возможность представить уровень московских цен на закупаемые для дипломатической миссии продукты: кофе стоил 70 копеек за фунт, чай от 1 рубля 60 копеек – до 2 рублей 50 копеек, сахар – 30 копеек; бык продавался за 6 рублей, телёнок за 80 копеек; индейка обходилась в 20 копеек, утка – 12 копеек, курица – 7 копеек.

§2.2. Переговоры в Москве.

5 (16) февраля начались переговоры. Посланник громко и медленно зачитал «письмо» везира; в нём говорилось о том, что во время царского похода в Дагестан русские войска находились «близ мест, которые в подданстве у высочайшей Порты», а её подданные черкесы и кабардинцы

«в сумнении и страхе обретались». К тому времени султанскую грамоту уже успели перевести. Она обвиняла донских казаков в нападениях и нанесении ущерба «подданным нашего славного и счастливого империя черкесам, нагайцам и казакам запорожским».

Главная же претензия состояла в том, что, как донесли крымский хан Саадет-Гирей и турецкие «коменданты», во время похода в Дагестан «некоторый казак Иван называемой Хромой, имея под командою своею донских казаков и калмык подданных ваших, встретя подданных нашего славного империя купцов кефенских, карасуцких и теманских нам принадлежащих, которые имея пятьдесят четыре воза своих товаров ценою на двести мешков¹⁰² и больше, ехали для купечества в стороны кумуцкие за реку Кубань... нападши на них, пограбил все их товары и вещи и, кроме того, что там на бою многих людей до смерти побил, но и живых взятых без остатка всех порубил»¹⁰³.

Речь шла о событиях заключительного этапа «Персидского похода». Отступая от Дербента, Пётр I 24 сентября 1722 г. направил «для поиска и разорения» мятежников» карательную экспедицию из только что пришедших четырёх тысяч калмыков внука хана Аюки Бату-тайши и тысячи донцов под командой атамана Ивана Матвеевича Краснощёкова; последний был лично известен царю и за действия в Финляндии награждён в 1721 году серебряным ковшом¹⁰⁴.

Из реляции о действиях казаков и калмыков следует, что с 26 по

¹⁰² Мешок или кошелек (по-турецки «кесе») - определённая сумма денег. Известный европейцам «румелийский кошелек» («кесе-и-руми») означал 500 курушей (левков) или 40 тысяч акче (мелких серебряных монет). Серебряный «аслани куруш», выпускался в Турции по образцу, «левка» - голландского левендаальдера (leeuwendaalder, löwentaler или «львиный талер» с изображением льва на задних лапах на реверсе) и испанского серебряного пиастра. Русский термин «левок» - перевод турецкого «аслани». В описываемое время 3 левка примерно равнялись 2 рублям.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 151-156; о том же говорила и грамота везира (Там же. Л. 157-161).

¹⁰⁴ См.: Богаевский Л. Бригадир Иван Матвеевич Краснощёков // Сборник областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1902. Вып. 3. С. 4—8.

30 сентября Краснощёков (турки называли лихого атамана «Топал Юван» - «хромой Иван») громил владения непокорного утамышского султана Махмуда: «В 26 день в 7-м часу по полуночи помянутые казаки и калмыки от Сулаку пришли к Буйнакам и от тех мест вступили в неприятельские места, и были в неприятельских местечках и деревнях, кои прежде сего разоряли, а неприятели паки их строением снабдили, и оные все разорили без остатку и к тому еще 4 приселка, которые в прежнем были не разорены, потому ж все разорили. Неприятельских людей побито с 500 человек и более, а заподлинно объявить не можно, для того, что действо чинилось в скорости да в разных местах. В полон взяли с 350 человек. Скота рогатого взято около 7000 да с 4000 овец. И потом помянутые донские казаки и калмыки, сентября 30 числа, возвратились к Аграханскому заливу счастливо... всяких вещей и драгоценностей казакам досталось»¹⁰⁵. В этом походе донцы успели ограбить не к месту оказавшихся на их пути купцов из Кафы, что вызвало осложнение русско-турецких отношений.

Казачий налёт являлся лишь поводом для дипломатического демарша: в Москве факт грабежа сразу признали, и не случайно на переговорах с Нишли Мехмедом-агой эта тема не дискутировалась¹⁰⁶. Проблема была в другом: турецкий посланник заявил, что русские уже получили «сатисфакцию» за погром в Шемахе, а теперь лезгины находятся «в подданстве высокой Порты», а потому Пётр I должен «от них руку отнять»¹⁰⁷. Ему возражали: о походе Стамбул предупреждали заранее – через Неплюева и прежнего турецкого посланника Мустафу-агу; к собственно турецким владениям и народам, «которые в подданстве

¹⁰⁵ Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. С. 15, 82—85. Донесение Петру I М.А. Матюшкина от 1 октября 1722 г. подтверждает указанное в «Походном журнале» количество угнанного скота, но «ясырю» насчитывает только «сто с полчетверта» человек (См.: Бумаги императора Петра I. Собраны академиком А. Ф. Бычковым. СПб., 1873. С. 498; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 28–28 об.).

¹⁰⁶ Рескрипт Неплюеву от 3 февраля 1723 г. предписывал резиденту признать факт нападения, но при этом говорить, что сами турки напали на Краснощёкова первыми и убили 9 казаков; сами же казаки убили не 200 человек, а только 73 (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №2. Л. 1-3об.).

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 182об.

турском», русские войска не приближались – об этом сочиняют «фалшивые реляции» крымские татары, которые сами рады совершать набеги на соседей. Судя по российской версии переговоров, итогом этой встречи капыджи-баши был «доволен».

Следующая «конференция» состоялась 8 (19) февраля. Инициативу взяла в свои руки русская сторона (в числе переговорщиков находились опытные дипломаты кн. Г.Ф. Долгоруков и П.А. Толстой); посланнику предъявили претензии по поводу действий кубанского сераскира (командующего) Бахты-Гирея, который летом 1717 г. совершил поход на пограничные русские земли во главе кубанской орды, турецких, черкесских, азовских отрядов и казаков-некрасовцев. Татары разорили окрестности Царицына Пензы, Симбирска, Саратова, Инсара, Петровска и Ломова и угнали в плен больше двадцати тысяч человек. В следующем году тот же Бахты-Гирей с 10-тысячным войском безуспешно осаждал донскую столицу – Черкасск. Нишли Мехмед-ага от неприятной беседы уклонился («о сём упоминать не надобно») и сослался на отсутствие указа. Возражать было трудно – кубанский «дели-султан» (бешеный, шальной султан) Бахты-Гирей и без того был головной болью Стамбула и Бахчисарая, поскольку действовал самовольно и не подчинялся хану¹⁰⁸. В итоге стороны признали, что в приграничных ссорах и казакам и татарам «во всём верить не надобно».

Далее российские представители вновь изложили свои аргументы: в подвластные Порте земли русские «никогда не хаживали»; войск в походе было «гораздо малое число», а его причины турецкому правительству разъяснили заранее. «Бунтовщики», против которых поход и был предпринят, являются не турецкими, а персидскими подданными. Нишли попытался возразить в том смысле, что горцы-«лязги» жили «сами собою» и теперь находятся у султана «в протекции по единоверию» - но тут же

¹⁰⁸ См.: *Грибовский В.В.*, Сень Д.В. Бахты-Гирей: фронтальные элиты в противодействии стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // http://www.ukrterra.com.ua/developments/east/bahty-girey3.htm#_ednref122

получил встречный вопрос: а как воспримет Стамбул, если русские начнут принимать в подданство закавказских единоверцев по тому же принципу?¹⁰⁹

Затем посланник повелел своему сыну выйти из комнаты и объявил российской стороне, что пославший его великий везир (Нишли Мехмед-ага назвал себя «креатурой везирской» и не упускал случая подчеркнуть значение своего покровителя¹¹⁰) просил напомнить о заключении союза («алианса») между двумя державами, «через которой другим областям мог быть страх». Однако полномочий и формального «указа» «трактовать» на эту тему посланник не имел – он попросил, чтобы с российской стороны о том «предложено будет», и заверил: «То Порте приятно будет и в тот алианс вступит»¹¹¹. На том второй раунд переговоров был завершён.

Третья встреча с посланником состоялась 12 (23) февраля. Российские уполномоченные начали её с ответа на султанскую грамоту и высказанные с турецкой стороны претензии. Они заявили, что Иван Хромой арестован, и по делу о грабеже купцов «розыск чинится».

Но в главном вопросе уступок не последовало: посланнику заявили, что от дагестанцев на побережье Каспийского моря царю «руку отнять не возможно»; те же «лезги», что живут «за горами» его не интересуют. Дагестанские владельцы (тарковский шамхал, кайтагский уцмий и «бунтовщик» - утамишский султан) издавна находятся «под владением его императорского величества», а крымский хан посылал к шамхалу Алди

¹⁰⁹ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 199-201об.

¹¹⁰ Нишли Мехмед-ага рассказывал, что везир «каждый день кладёт рядом со мной по 4-5 золотых. Заслуженным ветеранам, слугам, солдатам и бедным Османского государства раздает в большом количестве. Всемогущему падишаху будут молиться и в случае необходимости защиты войска, и те кто служит ему, с одного только сигнала готовы будут прыгнуть в море. Действительно, до настоящего момента у Османского государства еще никогда не было такого помощника» (*Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi* (1722-1723). P. 116-117).

¹¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 202об-203.

Гирею письмо с предложением помощи против русских и «неприличными экспрессиями» в адрес России.

Надо иметь в виду, что до конца XVIII века Дагестан оставался раздробленным на мелкие государственные образования: Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Дербентское, Аварское, Казикумхское, Мехтулинское ханства и более 60 аварских, даргинских, лезгинских мелких объединений — союзов сельских обществ. Дагестанские владельцы не раз отправляли посольства к царю, а государи выдавали им жалованные грамоты как своим подданным. Одновременно те же правители получали подарки от шаха и выставляли по его требованию конные отряды — таким образом, находились в «опчем холопстве», то есть одновременно признавали себя вассалами московского царя и иранского шаха.

Посланнику были предъявлены помянутый ханский «лист» и письма жителей Дербента и Баку «со удовольствием и покорным благодарением» за защиту от «разбойников» и изъявлением «повиновения и покорности такому справедливому императору»¹¹². Нишли вынужден был признать, что «хан оное не хорошо учинил» и прекратил дальнейшие споры: «Капычи баша так оное оставил»¹¹³. В заключение «конференции» посланнику ещё раз напомнили, что император «никоим образом допустить не может, чтоб при Каспийском море иная какая новая держава была» - помимо России и Ирана.

На этом переговоры были закончены. 22 февраля (5 марта)

¹¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 274об.-275об. Правда, бакинцы, в отличие от дербентцев, желания отдаться под российскую «протекцию» не проявили (См.: *Алиев Ф.М.* Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1964. Т. 20. № 7. С. 57–58). Бакинские власти не пустили в город российского офицера и отказались принять русский гарнизон (См.: Походный журнал 1722 г. С. 13, 76; *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 47—49, 62).

¹¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 268об.-269. Копии указанных писем жителей Дербента и Баку были отправлены и Неплюеву в Стамбул для предъявления туркам так же как и «реестр» о нападениях «подданных Порты» на российские владения в 1713-1719 гг. (Там же. 1723. №2. Л. 20-22, 32-40).

состоялась отпускная аудиенция, на которой посланнику была вручена грамота к султану: «И да сочтёт всевышний угодным, чтобы я доставил в целости и сохранности ваше послание в Османскую империю» - заверил в ответ Нишли Мехмед-ага. Г.И. Головкин попросил его: «Передайте привет от его императорского величества могущественному падишаху. И также передайте, что мы крайне ценим вечный мир между нашими странами»¹¹⁴.

§2.3. Прием у Петра I и завершение визита посла Нишли Мехмеда-аги в Россию.

В Москве желали, чтобы у посланника остались максимально благоприятные впечатления от визита. Главный пристав Алексей Дашков сообщил послу: на вопросы о турецком госте он отвечал, что слышал о нём «много хорошего», и при дворе им «были довольны»¹¹⁵. На «конференции»

¹¹⁴ Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722-1723). P. 113-114.

¹¹⁵ Ibidem. P. 24

царские министры не скупилась на комплименты посланнику, как «годному и умному человеку». Пётр I указал дать посольству «на отпуск» мехов («соболей добрых») на тысячу рублей, а 16 и 23 февраля 1723 года распорядился доставить в Коллегию иностранных дел две тысячи золотых для особой «секретной» дачи Нишли Мехмеду-аге – о них последний в своём отчёте деликатно умолчал¹¹⁶. Посольству с избытком выдавали «кормовые деньги» - 1085 рублей на месяц.

На официальной аудиенции император молчал – но не упустил возможность ещё раз пообщаться с посланником. 23 февраля (6 марта) на банкете у генерал-адмирала Ф.М. Апраксина канцлер Г.И. Головкин просил предоставить (через Дашкова) список необходимых для отъезда вещей и указал, что царь уедет в Петербург только «после обеспечения всех потребностей своих гостей». «Внезапно дверь распахнулась и вошел царь. – рассказал Нишли Мехмед-ага. - Внимательно оглядев нас, он подошел к нам. Мы хором сказали: «Добро пожаловать, для нас большая радость то, что вы почтили нас своим приходом. Угощение следует за угощением, дай вам Бог долгих и счастливых лет жизни!» Тем временем царю поднесли ячменную воду (очевидно, пиво), он поднял бокал: «За ваше здравие, за вас» и осушил его. Мы поблагодарили: «Дай Бог здоровья, пусть жизнь ваша будет радостной». Его величество спросил про Османа-агу: «Кто он?» Главный министр ответил: «Это помощник главы янычар». Затем царь спросил про моего сына, и я ответил: «Это мой сын». Царь, распрямившись, направился в комнату напротив. Министры последовали за ним. Мы остались ждать, сидя за столом. По прошествии какого-то времени из комнаты вышел посол Толстой и пригласил меня пройти с ним: «Прошу вас, царь желает вас видеть». На маленьком столе в углу комнаты была разложена карта, и царь, положив руку на нее, ждал. Главный министр и другие министры стояли перед ним.

¹¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 63.; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 330, 335.

Мы прижали руку к груди: «Доброго вам вечера, ваше величество, добро пожаловать». «И вам добро пожаловать, - ответил царь. – Понравился ли вам обед?» Я ответил, что встреча с его величеством доставила мне удовольствие в тысячу раз больше, да снизойдет на его величество Божье благословение. «Мы очень рады, что милостивый падишах отправил послом именно вас; вы умный человек, и если вы точно выполнили все поручения, непременно снискаете славу», - ответил царь. «Я простой служитель нашего великого повелителя», - ответил я. – «Да поможет мне Аллах следовать по пути преданности и честности». Его величество повторил: «Вы знаете содержание послания вашего милостивого султана, поняли мои ответы так, как мои министры рассказали вам, и увидели, какое значение мы придаем дружбе». Затем, приложив руку к груди, продолжил: «Вечный мир я буду хранить как свое сердце, и того же жду от милосердного султана. Почему он верит лживым, вероломным словам? Вы – один из его помощников, и должны передать мои слова как есть, честно». Я ответил: «С тех пор как я прибыл сюда, я вижу открытое выражение дружбы, а ваш сегодняшний визит подтверждает, что ваши дружеские чувства искренни и идут от всего сердца. Когда я с помощью Аллаха предстану перед султаном, несомненно, все сомнения рассеются, и дружба между нами станет крепче».

В беседе Пётр не раз повторял, что связанные с Кавказом спорные вопросы должны решаться на переговорах и заверял, что его действия основаны на справедливых аргументах. Касаясь поднятого Нишли Мехмедом-агой вопроса о перспективе османско-российского союза, он спросил, сам ли посланник слышал это предложение из уст везира – и получил ответ: «Будучи особым слугой и поверенным нашего почтеннейшего милостивого господина, передав ему о дружбе с вашей стороны, выражаемой вашими министрами, а также передав поверенным нашего почтеннейшего милостивого господина о чувствах дружбы и любви по отношению к вам и о благих мыслях относительно рабов Божьих с

обеих сторон, позвольте сообщить то, что я слышал своими ушами, и что я до этого уже рассказал премьер-министру. Даст Бог, мы не окажемся лжецами, если вы велите записать мои слова управляющему делами». И, в свою очередь, заверил Петра, что российский резидент в Стамбуле сможет уточнить это через придворных чинов, ведающих государственными делами. Был затронут и вопрос о взаимном возмещении ущерба от татарского набега 1717 г. и действий казаков во время Персидского похода – и Пётр обещал строго наказать «Ивана Хромого».

Император пытался убедить посла в искренности своих намерений и желал показать, что Россия не связана обязательствами ни с одной из европейских держав: «Если вы не поверите нам, полагая, что мы солжём, - говорил он Нишли Мехмеду-аге, - не спрашивайте о нашей с ними дружбе у австрийцев или англичан, спрашивайте у других государств... В знак нашей дружбы хочу рассказать вам одну вещь: эта дружба для переговоров. Французский король прежде был мал, сейчас ему исполнилось пятнадцать лет, он стал королем и женился на испанской принцессе, теперь они породнились и они боятся Австрии. Через год другой между ними начнется война. Если эти две страны договорятся и вступят в союз, тогда сердце Австрии разорвётся от страха зависти»¹¹⁷.

На прямой вопрос посланника о союзе («Однако, почтеннейший царь, слышали ли вы своими ушами от падишаха вопрос о создании союза?») Пётр ответил: «Если так сказали от имени Османского государства, не дав ответа, мы крепко обнимемся. Мы желаем этого в два раза сильнее, чем вы... Давайте будем верными друзьями, никого больше не слушайте. Передайте вашему падишаху наши намерения о сотрудничестве»¹¹⁸.

Как описывал Нишли Мехмед-ага, император показал ему карту и «после слов: «Посмотрите на карте на места, в которых я побывал, и

¹¹⁷ Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722-1723). P. 30.

¹¹⁸ Ibidem. P. 31.

расскажите Высокой Порте» показал нам на карте границы. На карте с одной стороны было море, с другой стороны Астрахань и граница Московии до Демиркапы (Дербента). Персидские владения находились за Дербентом и по другой стороне моря. За дербентским проходом со стороны Дагестана - недоступные и высокие горы; справа было изображено Чёрное море. Он показал на Демиркапы, за которым начиналась Персия и спросил: «Теперь вы это поняли?» Я ответил: «Да, понял». Тогда он спросил: «Есть ли ещё место рядом, куда другой падишах мог вторгнуться?» На это я ответил: «Если мы можем доверять этой карте, такого места нет». Тогда царь вновь взглянул и показал на Чёрное море: «Вот Черное море. Если другой владетель придёт, поселит здесь людей, будет ли ваш падишах доволен?» Мы все в гневе заявили: «Нет, никто не может посягать на это!» Он улыбнулся и сказал: «Вот видите, и мы не желаем, чтобы кто-нибудь вторгся в эти места». Затем он сказал: «Мы пришли сюда во вред себе. Объясните мне почему ваш падишах стал столь подозрителен?». В ответ я сказал ему: «На этот вопрос я не ответил ни с вашему главному министру, ни другими министрам. Всё это вследствие вашего похода в эти края и появления ваших людей в землях, находящихся под управлением оттоманов; люди стали посылать прошения и письма к Порте, заявляя, что ваша цель – оскорбить Османскую империю». Он покачал головой, обратил глаза к небу и поклялся, [что никогда не имел такого намерения]. Тогда я сказал: «Падишах дружественно относится к вашему величеству; он не доверяет больше никому и послал нас к вам».

«Слава Богу, вы не обманули ожидания вашего падишаха», - ответил царь, а Нишли, «поведал им о готовности к дружеским переговорам и любви, которую питает наш милостивый повелитель к вам, своим друзьям, присовокупив, что лично слышал об этом моего господина». На этом беседа о делах окончилась. Но любопытный Пётр спросил посланника: «Это ваш сын?» Я ответил: «Да, это – мой сын. Да дарует Аллах вам тоже сына». «Аллах дал мне четверых сыновей и всех их забрал». «Аллах велик,

Он даст вам еще сыновей». На что царь ответил: «Теперь уже поздно, я состарился», - и, улыбнувшись, коснулся рукой моего плеча. Тем временем хозяин особняка преподнес царю бокал с ячменной водой. Царь осушил бокал со словами: «Пью за благорасположение великого падишаха». Затем обратился ко мне: «Желаю вам долгой и счастливой жизни, вы укрепили нашу дружбу». После этого царь удалился»¹¹⁹.

Посланнику был передан письменный ответ на его заявления. Из него следовало, что на «Ивана Хромого» и его казаков нападали «андреевцы» (жители дагестанского селения Эндери), кубанские татары и кумыки – но факт ограбления турецких купцов признавался, «хоть и не в такой великой цене», как утверждал посланник, а сам атаман объявлялся уже арестованным. Далее перечислялись приведённые выше аргументы о правомерности российских действий на Кавказе и формулировался тезис о невозможности допустить турок к Каспийскому побережью – так же как Османская империя не допускает никого к Чёрному морю¹²⁰. На привезённый Нишли Мехмедом-агой список «грабленных вещей» кафинцев дипломаты ответили перечнем «побитых» и уведённых с 1715 г. в татарский «полон» русских людей¹²¹.

16 февраля 1723 г. Пётр написал Неплюеву «пункты», в которых обозначил базу для достижения соглашения. Император объявлял, что Россия согласна «руку отнять от тех, которые не к Каспийскому морю владении имеют, и на то согласитца, что хотя оные и пот турецкою властью останутца, однакож бы войск своих туды не посылали; а напротив того, чтоб и турки от грузинцов також руку отняли, а мы також туды войска не пошлём». В случае если турки будут упорствовать, Неплюеву разрешалось предложить линию раздела прикаспийской территории, проходящую «шестью часами» езды от Каспийского моря, «а чтоб берег отдать, того

¹¹⁹ Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722-1723). P. 117-120.

¹²⁰ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 338-352.

¹²¹ Там же. Л. 353-353об., 354-362об.

учинить весьма невозможно». Таким образом, Россия получала бы полосу земли на шесть часов езды от моря, то есть приморскую коммуникацию вдоль побережья Дагестана и прибрежную часть Ширвана — Дербент, Мушкур, Низабад, Баку и Сальяны. Уступать эти земли Пётр не собирался ни на каких условиях; населявшие их мусульмане «турецкого закона» (сунниты) должны были либо перейти в российское подданство и состоять в нём на условиях, согласованных с Турцией, либо переселиться¹²².

17 февраля последовала новая инструкция командующему войсками на Кавказе М.А. Матюшкину. Прежняя (в ноябре 1722 г.) предполагала летом следующего года большой поход на Баку и далее — возможно, на Шемаху. Генералу надлежало заготовить «магазины» для снабжения двадцатитысячной армии в крепости Святого Креста и Дербенте на два месяца, а в не взятом ещё Баку — на год. В этих же пунктах требовалось открыть и лазареты на семь тысяч больных и раненых — Пётр I явно предполагал большие потери. Главной же задачей командующего было «при самом вскрытии льду» двигаться на Баку и «конечно тот город достать, яко ключ всего нашего дела»¹²³. Драгунам же и дербентскому гарнизону предстояли летние экспедиции во владения уцмия «и всех противных» и строительство крепости под Дербентом для пресечения «коммуникаций... усмею и прочим с Дауд беком».

Однако после турецкого демарша такая операция была уже невозможна без риска большой войны. «Ради турецкого дела» провиант теперь требовался только на 12 тысяч человек, карательные походы на горцев и строительство новой крепости отменялись. Но после взятия Баку Пётр I всё же намерен был воплотить свою идею о строительстве международного города-порта в устье Куры, где требовалось построить крепость, «дабы неприятель не захватил»¹²⁴.

Ответная грамота Ахмеду III (её 21 февраля Пётр, Г.И. Головкин,

¹²² См.: *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722-1723. М., 1951. С. 136–137.

¹²³ См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // *Русский вестник.* 1868. №4. С. 594—598; *Лысцов В.П.* Указ. соч. С. 212.

П.А. Толстой и А.И. Остерман «слушали» в Преображенском) гласила, что все пограничные «управители» получили строгий указ не допускать враждебных действий и с соседями «приятельское обхождение иметь». Обещалось «по всякой возможности» возратить пограбленные казаками Краснощёкова вещи. Император заверял, что известия о направлении русских войск к турецким границам есть «фалшивые внушения» крымских и кубанских татар, которые «живут войной и пленением и хищением людей». В свою очередь, российская сторона заявляла о недопущении впредь татарских набегов, «сатисфакции» за которые она так и не получила. В заключение грамота изъявляла благодарность лично Нишли Мехмеду-аге, которым Пётр I и его министры остались «зело довольны»¹²⁵. В таких же выражениях был составлен и «лист» к везиру – с надеждой на «добрую дружбу и конфиденцию». В этот же день царь подписал «полномочную грамоту» Ивану Неплюеву «в конференции вступать, договариватца и соглашатца» с турецкими уполномоченными¹²⁶.

Перед отъездом в Петербург Пётр через канцлера Г.И. Головкина пригласил Нишли Мехмеда-агу посмотреть парад. А 24 февраля (7 марта) посла угостили зрелищем петровских гуляний: «Прежде пронеслась лодка, запряженная, подобно саням, лошадьми. Сидящие в лодке дули в трубы и били в барабаны. Главный шут в удивительном облачении приветствовал посла. Затем приблизился небольшой галеон с поднятыми парусами; на палубе его стоял царь». После троекратного пушечного залпа мимо посла с приветствиями проследовали адмирал, главный министр и царица. Дипломаты из других стран приветствовали султанского посланника, сняв головные уборы». Как заметил посланник, «жители Москвы, наряженные в немыслимые одежды (женщины в мужском облачении) на 40 лодках по

¹²⁴ См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 598—600.

¹²⁵ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №1. Л. 1-6.

¹²⁶ См.: Там же. Л. 11-11об.; Оп. 89/1. 1723. №2. Л. 19.

очереди следовали перед послами». Кажется, зрелище пришлось гостю по нраву.

25 февраля Пётр уехал в Петербург. Посланник же ещё только собирался в обратный путь. Прощание было омрачено полученным накануне отъезда письмом от везира. Прибывшее 21 марта 1723 г. послание требовало вывести русские войска из Дагестана и указывало: если царь вновь пойдёт в поход – это будет означать разрыв «вечного мира» 1720 г. и неизбежную войну¹²⁷. 23 марта 1723 г. посланник и его свита отправились в обратный путь через Киев.

Везирское письмо отражало изменившуюся ситуацию в Стамбуле. В октябре представители крымского хана донесли султану, что царь стремится нанести ущерб интересам Турции, а везир вводит своего государя в заблуждение. Разгневанный султан хотел уже казнить Ибрагим-пашу, но тот, чтобы сохранить жизнь и должность, двинул войска в Грузию. В реляции от 4 ноября 1722 г. Неплюев писал, что он всеми средствами пытается удержать турок от разрыва отношений с Россией и обещал «везирскому кияю» и реис-эфенди по тысяче червонных. Дефтер-эмини (хранитель документов, ведавший учётом доходов воинов-«сипахи», получавших от султана земельные пожалования) Хаджи Мустафа передал Неплюеву требование османского двора - уйти из персидских владений, и 11 декабря 1722 г. Г.И. Головкин докладывал Петру I, что «Порта требует, дабы ваше величество все свои войска вывел и, приготовления военные неотменно продолжает»¹²⁸.

24 января 1723 г. Неплюев доложил, что через «секретной канал» добыл султанское послание и «берат» (жалованную грамоту) к Хаджи Дауду¹²⁹. Резидент также сообщил, что завёл разговор с «кегаей» (кегая-бей

¹²⁷ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12. Л. 598-599об.

¹²⁸ См.: *Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993. С. 29-30.

¹²⁹ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л. 38, 55-58, 59-59об. Резидент указывал, сколько ему приходилось платить за ту или иную информацию. Так, например, копия с берата Дауд-беку обошлась ему в 4 пары соболей общей ценой в 40 рублей; столько же (60 левков или 40 рублей) заплатил он за один «секретной указ».

или кяхья-бей — помощник великого везира, ведающий внутренними делами империи) о том, что «ежели Порты имеет какое намерение при нынешних перских замешаниях, и в том дабы откровенно его величеству свое намерение сообщила, ибо его величество желает с оною согласитца». На следующий день он получил ответ от переводчика Порты, что «нет ещё время Порте о том с его величеством российским монархом в негоциацию вступать». В таких обстоятельствах Неплюев рискнул нарушить инструкции и не предъявил туркам царское требование, «чтоб ребелев (бунтовщиков) в протекцию не принимать».

В «секретной» реляции от того же 24 января он объяснял «пользу от умолчания»: в воинственной атмосфере при султанском дворе невыполнимое требование может вызвать разрыв отношений, но со временем, «оной штурм» утихнет, и «моё умолчание будет высочайшему вашему величеству имяни к вящей славе»¹³⁰. Резидент оказался прав. 8 февраля он доложил о неутешительном решении состоявшейся при дворе «консилиии» («диван-и-хумаюн»¹³¹) с участием главного муфтия (шейх-уль-ислама): султан примет в подданство Дагестан.

10 февраля 1723 г. везир Дамад Ибрагим-паша пригласил Неплюева на аудиенцию и заявил, что его держава довольна «дружескими ассигурациями» российского императора, но «пока ныне соглашатца ей не о чем», поскольку Хаджи Дауд и афганский правитель Ирана Махмуд поддадутся протекции Порты. Российский же монарх уже получил удовлетворение, и больше ему в иранские дела «мешатца» незачем. Как заявил везир, русские войска могут на короткое время занять некоторые территории, но оставлять их за собой Россия не должна, поскольку они населены мусульманами; «купечество» же российское в тех странах будет

¹³⁰ Там же. Л. 51.

¹³¹ «Divan-i-hümayun» - государственный совет при султানে, на котором принимались решения по важным вопросам, касающимся государственной жизни, а также рассматривались прошения и жалобы подданных. Кроме великого везира, входили вторые, третьи везиры, шейх-уль-ислам, кадиаскеры, дефтердар, йеничери агасы, нишанджи и несколько других высокопоставленных лиц.

происходить по-прежнему, и даже «вяще безопасно»¹³². Полученное Неплюевым 12 февраля официальное письмо везира донесло решение очередного «дивана»: если царь вновь начнёт военную кампанию на Каспии – то быть войне¹³³.

Последние вести пришли 30 марта - уже после отъезда турецкого посольства. Пётр I новой войны с Турцией не желал – но и поступиться завоёванными провинциями, на которые возлагал столько надежд, не мог. На границе «между Азова и Транжаменты» российские «комиссары» полковник Иван Тевяшов и ассессор Коллегии иностранных дел Михаил Ларионов в декабре 1722 – январе 1723 гг. несколько раз съезжались с турецкими представителями для разбора пограничных конфликтов и прежде всего грабежа казаками Краснощёкова турецких купцов. Арестованный атаман признал грех, но указал, что его донцы поживились не на требуемые турками 100 тысяч левков (66 666 рублей), а всего-то на 15 или 10 тысяч рублей; но всё полученное уже давно разделили и потратили, а потому и взыскать с них нечего. После этого царь 10 февраля указал Сенату уплатить туркам последнюю сумму в счёт будущего казацкого жалования, что и было исполнено¹³⁴. Краснощёков оставался под следствием до 1726 г., когда императрица Екатерина I простила его, как и другого арестованного за грабежи атамана Данилу Ефремова — и послала обоих обратно в Дагестан вместе с 3 500 казаков¹³⁵. Позднее «Хромой Иван» ещё дважды водил донцов на Кавказ — в 1727–1728 и 1733–1734 гг. — и заслужил известность и у своих, и у горцев, которые называли его «Аксаком»¹³⁶.

¹³² См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л. 96об., 98; *Мустафаев Т.Т.* Из истории русско-турецких отношений в 20-х годах XVIII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 20.

¹³³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л. 102об.

¹³⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 65—67, 72.

¹³⁵ См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т.2. Ч.1. С.12, 14.

¹³⁶ См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 98; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 98.

§2.4. Переговоры в Стамбуле и заключение договора 1724 г.

Весной 1723 г. оборонительные мероприятия проводились вдоль всей южной границы от Волги до Днепра. 7 апреля Пётр назначил командующим на Украине одного из лучших российских полководцев - генерал-аншефа кн. М. М. Голицына; ему были подчинены Малороссийская коллегия и украинские казацкие полки, Войско Донское, воронежский губернатор, белгородский и севский воеводы. Для обороны от возможного турецкого «предвосприятия» император распорядился увеличить численность ландмилиции до шести полков; сделать сигнальные

маяки, шанцы и полевые редуты; строить суда в Воронеже и Брянске для воссоздания Донской и создания Днепровской речных флотилий¹³⁷.

Но вопрос о войне и мире решался в Стамбуле. 31 марта в Петербург пришла очередная реляция Неплюева. Он сообщал: во время приёма в своём загородном доме на Босфоре Ибрагим-паша заверил его, что враждебных действий не последует до получения ответа от Петра¹³⁸. Положивший много сил на упорядочение финансов и сокращение расходов Турции везир не был склонен к войне с северным соседом. В этом его поддерживал французский посол в Стамбуле Жан-Луи д'Юссон маркиз де Бонак, к посредничеству которого прибегнул Петербург. Мир с Россией в данное время соответствовал французским интересам, чтобы иметь возможность с их помощью угрожать главному сопернику Франции в Европе — австрийскому императору; к тому же в Петербурге велись переговоры о заключении союза с Францией и браке дочери Петра с сыном французского регента, герцога Орлеанского.

Резидент не терял времени и одарял турецких чиновников, которые давали ему копии важных документов. Согласно записям Неплюева, секретарь везира получил мехов на 175 рублей, «кегаинской фаворит» - на 500 левков, переводчик Порты – на 68 рублей, секретарь реиса-эфенди – на 42 рубля, а сам реис-эфенди – на 80 рублей и 400 левков. Всего же за ноябрь-декабрь 1722 г. резидент раскошелся на 7754 левка (из которых половина пошла на подарки реису-эфенди), а с 9 января по 14 февраля 1723 г. – ещё на 2569 рублей и 7431 левка¹³⁹.

Соглашение давалось непросто. В начале апреля 1723 г. Неплюев допускал даже свой скорый арест; канцлер Г.И. Головкин в рескрипте резиденту от 9 апреля 1723 г. писал: «Наши интересы отнюдь того не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море

¹³⁷ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2. Оп. 1/47. №2. Л. 4 – 5об. (инструкция Петра I М.М. Голицыну от 29 апреля 1723 г.).

¹³⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л. 142-142об.

¹³⁹ Там же. Л. 19-20об., 147-148об. Денег не хватало, и резидент должен был занимать их у голландских дипломатов и константинопольских греков.

утвердилась». Канцлер указывал, что занятые русскими земли никогда не были владениями «персических бунтовщиков» и «в протекцию нашу добровольно подались». Если же турки решат воевать – то войска готовы их встретить¹⁴⁰.

Однако, 19 апреля Неплюев доложил об изменении турецкой позиции. Везир предложил Бонаку передать царю, чтобы тот ограничился уже сделанными приобретениями и «болши того не забирал». Новая «консилия» при турецком дворе постановила согласиться на переговоры при французском посредничестве¹⁴¹. В наметившуюся «разрядку» внёс свою лепту и вернувшийся в мае Нишли Мехмед-ага. Он заверил: при российском дворе его приняли с подобающей честью; сам Пётр объявил ему, что дал указания резиденту «в лезгинских делах трактовать», а «для поставленной вечной дружбы по прошению Порты оружие свое удержать изволит против ребелов лезгинцов, которых Порта в протекцию приняла»¹⁴².

Однако тот же Нишли Мехмед-ага сообщил о возможном возвращении царя в Астрахань и его намерении оказывать помощь Тахмаспу и его начальник явно был озабочен: «Весьма он везир пришел в сомнение и не знает ныне, как султану и народу своему объявить, понеже время потерял, а по желанию своему не получил, того ради по приезде оногo капычи баши ни единой консилии при Порте не бывало. Держит везир все секретно, - доносил Неплюев и опасался скорого «разрыва мира», - Чрез сей случай паче чаяния вскоре может мир нарушиться и может нынешнее министерство пропасть»¹⁴³.

Для Неплюева Коллегия иностранных дел затребовала от Сената «на некоторые секретные дачи» в Стамбуле 7200 червонных и «мягкую рухлядь» — соболей и горностаев, а в июле Пётр распорядился выслать к

¹⁴⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №2. Л. 41-41об.

¹⁴¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. Л.194об.-195.

¹⁴² Цит. по: Мустафаев Т.Т. Указ соч. С. 20-21.

¹⁴³ Там же. С. 22

резиденту дополнительно «четыре меха соболей пластинчатых» по тысяче рублей каждый¹⁴⁴. Переговоры продолжились – но скоро зашли в тупик. На доставленное посланником послание Петра I Порты ответила: никакому государству не будет дозволено присутствовать на побережье Каспийского моря, так как это угрожает безопасности Османской империи. В ответ Неплюев заявил: его государь «от Дербента и Баки и помянутых князей руки своей не отнимает ни по единому образцу»; были предъявлены и письма жителей Дербента и Баку с просьбой о покровительстве России. Захват турками Тифлиса в июне 1723 г. и взятие русскими в июле Баку вновь обострило ситуацию.

Переговоры были отложены на 90 дней, но не успели они начаться, как в итальянских газетах появилась публикация полученного из Вены текста русско-иранского договора — раньше, чем сам резидент получил его из Петербурга. Неплюев только что успел договориться о «армистиции» — исключении столкновений русских и турецких войск на спорных прикаспийских землях и добился обещания, что «Порта на берегах Каспийского моря оружие удержит», то есть не будет претендовать на захват побережья, о чём и сообщил 12 декабря¹⁴⁵. От этого «султан пришел было в великое возмущение, но визирь его умягчил не нарушать мира для многих причин». Теперь же разгневанные турки стали угрожать войной — визирь даже пообещал резиденту «почётное» место в обозе отправлявшейся в поход турецкой армии.

Заключённый 12 сентября в Петербурге с послом Тахмаспа Измаилбеком договор об уступке территорий (Дербента, Баку, Гиляна, Мазандерана, Астрабада) Порты объявляла недействительным, принц не имел никаких полномочий делать это при живом шахе-отце. После новой беседы с де Бонаком российский резидент заявил туркам, что договор с Тахмаспом не противоречит интересам Османской империи, а царь мог бы

¹⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. № 1936. Л. 13, 34.

¹⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л. 48 об.

убедить шаха уступить Османской империи часть своей территории¹⁴⁶. То же делал и де Бонак - он терпеливо разъяснял туркам, что статьи договора не содержат упоминания о провинциях, куда вошли турецкие войска.

Кроме того, осенью того же года войска эрзерумского Ибрагим-паши вели неудачные бои под Гянджой с отрядами местных жителей, армянских ополченцев и грузин под командованием царя Константина. «И мы имели с ними жестокий бой семнадцать дней, и многих из них погибли великих пашей,.. турецкий повелитель готовятца паки на нас для отмщения победы нашей, и мы надеемся в том на его императорское величество, что его величество всегда государю нашему чинит вспомошение...» — писали гянджинцы бакинскому коменданту князю И. Ф. Барятинскому, у которого они просили прислать им войск «на оборону провинции Генджинской»¹⁴⁷.

Не удалось турецким властям и сплотить против русских Дагестан. Хаджи Дауд не мог выполнить поставленную перед ним задачу — захватить «принадлежащие к Ширвану ближние персидские провинции» и тем более «выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев». Султанский указ о передаче под его власть Ширвана имел обратный результат: местные владетели не признали нового правителя и договорились, чтобы «быть Шемахе и Баке городу за шамхалом, да Мюскер, Шабран за Даудом, де Кубе и Калхан за усмеем, а городу Дербени за майсумом».

На собравшемся 4 (15) января 1724 г. в султанском дворце совете великий везир Дамад Ибрагим-паша задал вопрос: «Что будем делать, примем предложение царя (о прекращении наступления в Закавказье. — *авт.*) и прекратим иранский поход, либо сочтем данное предложение царя нарушением договора и начнем подготовку для похода на Россию?». Однако, когда везир понял, что присутствующие воздерживаются от

¹⁴⁶ *Küçükçelebizade Asım Efendi. Tarihi Asım. İstanbul 1282. S.144-145.*

¹⁴⁷ Цит. по: Алиев Ф. М. Указ соч. С. 65.

высказывания, то оставил заседание вместе с шейх-уль-исламом¹⁴⁸. В дело вступил маркиз де Бонак: он подал совету письмо, в котором убеждал советников султана: поскольку ни Россия, ни Османская империя не намерена нарушить мирный договор о мире, то переговоры должны быть продолжены; хотя и военные приготовления стоит при этом продолжать — они послужат дополнительным аргументом в споре с русскими¹⁴⁹.

Явившийся на заседание Ахмед III склонялся к войне. Диван уже было объявил её — но по предложению самого Дамад Ибрагима-паши и главного драгомана (переводчика) Порты всё же решил продолжить переговоры¹⁵⁰. Присутствующие согласились с мнением посла Франции и предоставили Неплюеву время связаться с Петербургом и получить новые предложения. Великий везир рассчитывал получить часть бывших иранских владений без войны — она дорого стоила, и успех не был предрешён.

На одной из встреч с Неплюевым и де Бонаком Дамад Ибрагим-паша объяснил, что шейх-уль-ислам издал фетву о войне против Персии. В ней говорилось о том, что после низложения шаха Персия была сочтена за государство без государя, и посланные туда войска вернуть нельзя. Русский царь «требуется, чтоб те прогрессы остановить, но такое предложение не имеет быть принято. Однако же империя Оттоманская за то не имеет разорвать мира, разве сей государь сам объявит войну»¹⁵¹. Когда везир предложил все-таки заключить договор, Бонак и Неплюев поняли, что он войны не желает. Российский резидент даже говорил туркам, что царь готов пожертвовать договором с Тахмаспом, чтобы сохранить дружбу с

¹⁴⁸ *Külbilge İ. 18 Yüzyılın ilk yarısında Osmanlı-İran İlişkileri (1703-1747)*. İzmir. 2010. S.159

¹⁴⁹ *Tarihi Asım*. s.146.

¹⁵⁰ Об этих переговорах см.: Lockhart L. *The Fall of Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia*. Cambridge, 1958. P. 228—232; *Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 28—30; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 66—67; *Мустафаев Т. Т.* Указ соч. С. 24—27.

¹⁵¹ Цит. по: *Маркова О.А.* Указ. соч. С. 29.

Османской империей¹⁵². Жертвовать не пришлось – но с согласия Петра Неплюев вынужден был согласиться на то, что крупный торговый центр Тебриз достанется не шаху, а султану.

Усилиями заинтересованных в мире сторон наметился компромисс; долгие и тяжёлые переговоры завершились 12 (23) июня 1724 г. договором о разделе российских и турецких приобретений в Иране. В мирном разрешении конфликта сыграл свою роль и визит Нишли Мехмеда-аги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша работа посвящена лишь небольшому отрезку в долгой истории русско-турецких отношений, связанному с подготовкой и проведением Петром I в 1722 г. «Персидского похода» и реакцией Османской империи на чётко обозначившиеся интересы и действия России в Закавказье.

¹⁵² Tarihi Asım. S.151-153.

Нами проанализированы по этой теме не очень хорошо известные в России труды турецких историков, большинство из них, к сожалению, не знает работ своих российских коллег и, тем более, не знакомы с документами российских архивов. По их мнению, происходившие в 1709-1721 гг. в Иране, Причерноморье и Закавказье события коренным образом изменили жизнь многих людей на территории от Кандагара до Дагестана, от Персидского залива до Исфахана, от Москвы до Стамбула. Здесь берет начало проблема Афганистана, а для России движение на Кавказ стало необратимой стратегией и политикой¹⁵³.

Петр I был уверен, что столкнётся на Кавказе с Османской империей, но полагал, что у турок нет оснований для вторжения во владения Сефевидов. У самой же России такие причины имелись¹⁵⁴. После окончания тяжёлой войны со Швецией Российская империя получила возможность свободно действовать на Кавказе¹⁵⁵. К тому же грузины просили помощи у России, и царь считал, что имеет право требовать компенсации за жизнь и имущество убитых в Шемахе русских купцов¹⁵⁶. Но после того, как Пётр I столкнулся с позицией Турции и военно-политическими проблемами продвижения в Дагестан и Закавказье, он отказался от плана по захвату Кавказа, но желал взять под контроль западное побережье Каспийского моря, чтобы направить поток восточных товаров новым путём - из Каспийского моря на Балтику¹⁵⁷.

В заключение мы можем сказать, что материалы о посольстве и переговорах, проходившее в 1724 году между Россией и Османской Империей в Стамбуле и имевшее целью разделение территории Ирана, является важным историческим документом с точки зрения изучения

¹⁵³ *Külbilge İ.* Там же. S. 88.

¹⁵⁴ *Külbilge İ.* Там же. S. 106.

¹⁵⁵ *Beydilli K.* Osmanlı-İsveç Münasebetleri // İsveç. S. 412. Русские теперь могли двигаться свободно, не беспокоясь о границах северо-западной Европы. *Kulbilge İ.* Там же. S. 107.

¹⁵⁶ *Külbilge İ.* Там же. S. 106.

¹⁵⁷ *Külbilge İ.* Там же. S. 141.

взглядов России и раскрытия подготовки основы первой остановки коалиции.

Другим сюжетом нашей работы стало изучение по российским и турецким источникам конкретного посольства Нишли Мехмеда-аги в Россию в 1722-1723 гг. и его последствия. Малоизвестный до сих пор "Сефарет-наме" Нишли Мехмед-аги (составленный в форме дневниковых записей посла) является важным историческим документом, повествующим о предварительных переговорах и подготовке почвы для заключенного в 1724 г. договора между Османским государством и Россией; кроме того, этот документ даёт нам возможность (хотя и небольшую) познакомиться с некоторыми чертами жизни Москвы того времени.

Источник говорит, что после рассмотрения спорных вопросов посол ставит на обсуждение вопрос о возможности заключения между сторонами соглашения или договора о вечной нерушимой дружбе. Обсуждение этих вопросов продолжалось при неоднократных беседах с канцлером, а также во время встреч с царем Петром, который как будто был несколько удивлён и спросил у посланника, слышал ли он сам предложение основанного на взаимных интересах осmano-россииского союза из уст султана. Автор "Сефаретнаме" отвечал, что лично слышал эти слова «в тайных покоях владыки»-султана и предложил царю уточнить это через придворных чинов, ведающих государственными делами.

Посольство было вызвано появлением русской армии и флота на Каспийском море и в Дагестане. Сам поход по территории приморского Дагестана через месяц завершился в Дербенте. Там Пётр рассчитывал соединиться с грузинским войском царя Вахтанга VI и армянским ополчением и двигаться на Баку. Однако русская флотилия потерпела крушение, и армия лишилась провианта. Массовый падёж лошадей привел в расстройство конницу; среди солдат росло число больных. Эти обстоятельства заставили русское командование отказаться от продолжения

похода. Оставив гарнизоны в Дербенте и в новой крепости Святого Креста на р. Сулак, основные силы русской армии возвратились в Астрахань – с чем согласно и большинство турецких историков.

Не слишком удачный поход не обескуражил императора. Для Петра он был первым шагом на пути овладения торговыми путями в Индию. В устье Куры он планировал заложить город, «в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани». Царь стремился установить протекторат над Грузией и Арменией и «вернуть» на Россию проходивший через Иран и Турцию караванный путь шёлковой торговли.

Однако вступившая в период упадка, но ещё могущественная Османская империя оставалась главной силой в Закавказье. После неудачного Прутского похода 1711 г. Пётр I больше не желал рисковать. Документы посольства Нишли Мехмед-аги и их отражение в российских документах показывают, что русская дипломатия и стоявший за посланником Нишли великий везир Дамад Ибрагим-паша Невшехирли стремились воспользоваться кризисом в Иране и свержением династии Сефевидов для реализации собственных целей – но в то же время не желали развития конфликта между двумя державами. Сам император счёл нужным лично встретиться с Нишли Мехмед-агой и разъяснить ему смысл российской политики на Кавказе. В итоге стороны пошли на взаимные уступки, что заложило основу для будущих переговоров и заключения договора о границах в 1724 г.

Однако путь к нему был сложным, поскольку в Османской империи многие, прежде всего улемы (духовенство) и военные выступали за объявление войны русскому царю; к войне склонялся и сам султан Ахмед III. Переговоры несколько раз прерывались, но в итоге стороны смогли мирно урегулировать конфликт.

"Сефарет-наме" Нишли Мехмед-аги, по нашему мнению, показывает, что посланник, будучи военным человеком, интересовался прежде всего

состоянием и вооружением русских войск и укреплений на южной границе. Как и полагалось представителю великой державы, дипломат был крайне внимателен к соблюдению чести своего государя: он отмечал, сколько пушечных залпов состоялось по случаю его прибытия и отъезда, не допустил отправиться в гости без личного приглашения со стороны хозяина; подчеркнул, как много москвичей встречали его на улицах; указал на обилие доставленных ему и его свите продуктов с царского стола. Прочие же бытовые и культурные черты петровской России, похоже, его не очень интересовали – его сефарет-наме не содержит описания Москвы и её жителей, характеристик тех деятелей, с кем ему довелось встречаться. Нишли Мехмед-ага заметил ветхий с прорехами ковер в дворцовом зале, описал явно запомнившееся ему шутовское представление – но не счёл нужным описать свою встречу с царицей.

В заключение, можно сказать, что царь и его советники явно старались произвести благоприятное впечатление на турецкого гостя. Вернувшись в Стамбул, Нишли Мехмед-ага информировал великого везира в благоприятном для русских смысле. Однако самому ему вояж в Москву не помог сделать карьеру: в 1725 г. он по какой-то причине разгневал своего повелителя, попал в ссылку; затем служил офицером в артиллерии и финансовым чиновником. К сожалению, мы не смогли найти достаточно источников, чтобы подробнее раскрыть биографию посла Нишли Мехмеда-аги. Автор надеется сделать это в ходе дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники.

Опубликованные

1. Küçükçelebizade İ. A. Asım Tarihi. İstanbul, 1840.
2. Mu'âhedât Mecmu'ası. (1297). Вып. III, İstanbul. S. 229-237.
3. Unat F. R. Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // Tarih Vesikaları Dergisi, 1942, Sayı 10. S. 284-299; Sayı 11. S. 352-371; Sayı 12. S. 462-472.

Неопубликованные

- Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №12 (Бытность в Москве турецкого посланника капичи баши Нишли Мегмет Аги и с ним везирского Осман аги»)
- Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. №5. Ч. 1. (реляции И.И. Неплюева из Константинополя)

II. Литература

1. Ahmadian B. A. Ottoman State and the Caucasus // XIII. Türk Tarih Kongresi. Ankara 4-8 Ekim 1999: Kongreye Sunulan Bildiriler. S. 1-9.
2. Ahmadov Y. Çeçen-İnguşya Halkıyla Rusya Arasındaki İlişkiler. İstanbul 2000.
3. Armenians and Russia 1626-1796: A Documentary Record, George A. Bournoutian./ Costa Mesa, 2001.
4. Arslan A. "Rusların Güney Kafkasya'da Yayılmalarında Ermeni Eçmiyazin Katogigosluğu'nun Rolü"// Kafkas Araştırmaları, c. II, 1996. S. 19-37.
5. Aydın M. Üç Büyük Gücün Çatışma Alanı, Kafkaslar. İstanbul 2005. S. 264.

6. Aşurbeyli S. Bakı Şehrinin Tarixi. Bakı, 2006.
7. Baddeley J. F. Rusların Kafkasya'yı İstilas ve Şeyh Şamil. İstanbul. trhsz.
8. Berkok İ. Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958.
9. Beydilli K. Osmanlı-İsveç Münasebetleri // İsveç. S. 408-414.
10. Bilge M. S. Osmanlı Devleti ve Kafkasya, Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasi, Askeri, Tarihi ve İdari Taksimatı (1454-1829). İstanbul, 2005.
11. Berdzenişvili N., Canaşıa S. Gürcüstan Tarihi./ çev Hayri Hayrioğlu.// İstanbul, 2000.
12. Budak M. "Osmanlı-Rus İlişkilerinde Kafkasya"// Avrasya Etüdüleri. sayı: 4, Kış 1995. S. 101-128.
13. Буниятов З.М. «Сефарет-наме» османских послов как источник по истории османо-российских отношений // Ближний и Средний Восток. /Баку, 1986. С. 3-24
14. Camalov G. "Azerbaycan Hanlıklarının Rusya Tarafından İşgal Edilmesinde İran'ın İkili İlişkiler Siyaseti" // *Türkler*. /çev. Sadık Sadıkov, С. XVIII. S. 531-539.
15. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991 .
16. Çakmak M. A. "XVIII. Yüzyılda Kafkasya" // Osmanlı./Ankara. S. 613-621.
17. Çiloğlu F. Gürcülerin Tarihi: Dilden Dine, Edebiyattan Sanata./ İstanbul, 1993.
18. Erel Ş. Dağıstan ve Dağıstanlılar. İstanbul, 1961. S. 264.
19. Gilanentz S.P. Kronoloji: Osmanlı-İran-Rus İlişkilerine Ait İki Kaynak; I-Petros Di Sarkis *Gilanentz'in Kronolojisi*, 2-Nadir Şah Devrine Ait Bir Anonim Kronoloji. İstanbul, 1974.
20. Hammer J.V. Büyük Osmanlı Tarihi / Tercüme: Vecdi Bürün.// İstanbul: Üçdal Neşriyat, 1991. С е р . XIII/7

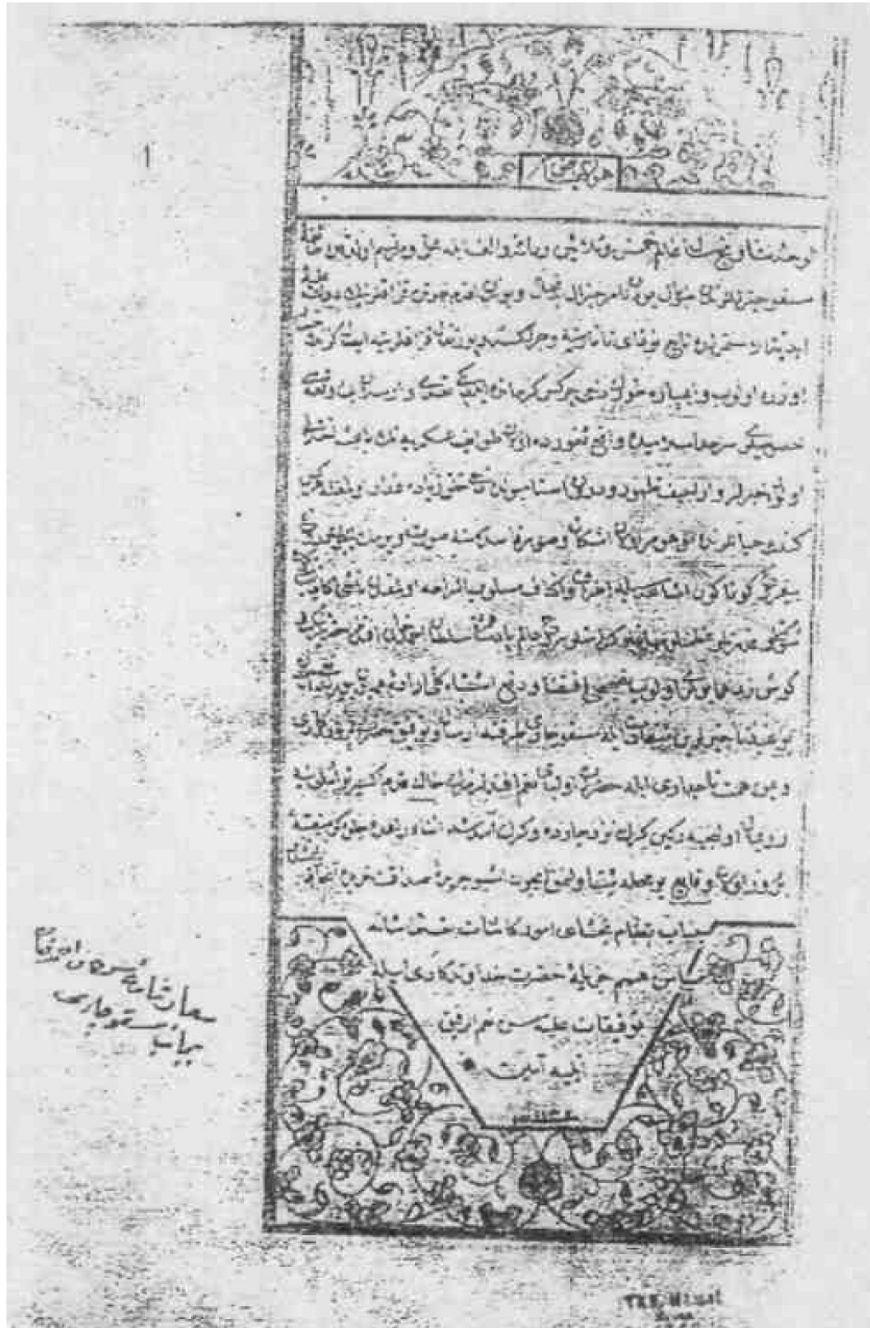
21. Hauner M. Rusya'nın Orta Asya'daki Jeopolitik ve İdeolojik İkilemleri // Akdeniz'den Hindistan'a Türk-İran Esintileri. /çev. Ömer Avcı./ İstanbul 2005, S. 237-270.
22. Jorga N. Osmanlı İmparatorluğu Tarihi (1640-1774). İstanbul 2005.
23. Kafalı K. Kuzey Kafkasya. İstanbul 2004.
24. Köse E. 18. yy Başlarında Kafkaslarda Nüfuz Mücadelesi.// İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. İstanbul 1996.
25. Köse O . XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münâsebetleri // Osmanlı, 1999. S.536-538.
26. Kurat A. N. Türkiye ve Rusya. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1990. S. 754.
27. Külbilge İ. 18. Yüzyılın ilk yarısında Osmanlı-İran İlişkileri (1703-1747)./ Ege Üniversitesi. S. 419.
28. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I: 1722-1723. М., 1951.
29. Маштакова Е.И. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в. //Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 214-222.
30. Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722—1723). Tokat, 2005, S.225.
31. Ragsdale H. Russian Foreign Policy, 1725-1815 // The Cambridge History of Russia, vol. II, Imperial Russia, 1689-1917. / Cambridge 2006. P. 504-529.
32. Рахаев Ж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2008.
33. Saray M. Türk İran İlişkileri. /Ankara, 1999.
34. Saray M. "Gürcistan ve Gürcüler"// Kafkas Araştırmaları. s.: 3, 1997. S. 1-27.
35. Shay M. L. Venedik Balyoslarının Bakışıyla Osmanlı İmparatorluğu, Lale Devri ve Sonrası (1720-1734) / çev. Münir Akın. İstanbul 2009.

36. Shaw S. Osmanlı İmparatorluğu ve Modern Türkiye. / çev. Mehmet Harmancı. İstanbul, 1994.
37. Süleymanova S. A. XVIII. Yüzyılda Azerbaycan'ın Güneybatısındaki Osmanlı Sınır Muhafızları // Osmanlı. S. 631-639.
38. Şihverdiyev K. II. Katherina (1729-1796): Döneminde Rusya Müslümanları.//Erciyes Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Kayseri, 2006.
39. Şem'danizade Fındıklılı Süleyman Efendi. Mür'it-Tevarih.// Beyazıt Devlet Kütüphanesi.№ 5144
40. Unat F.R. Osmanlı Sefirleri ve Sefâretnâmeleri. Ankara, 1992.
41. Uras E. Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi. İstanbul 1976.
42. Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi, 4.Cilt, 1.Kısım, Ankara, 1988.
43. Walker C. Armenian Presence in Mountainous Karabakh // Transcaucasian Boundaries./ Ed. by J. F. R. Wright, S.Goldenberg, R. Schofield, L., 1996. P. 89-112.
44. Yüksel İ. “Çarlık Rusyası'nın Azerbaycan'ı İstilas ve Osmanlı Devleti'nin Tutumu”// Kafkas Araştırmaları, sayı: 1, 1988. S. 25-33.
45. Зайцев И. В. Турки-османы в Москве XVIII в // Восточный архив. 2004. № 11—12. С. 40—45.

III. Справочные и информационные издания.

46. Bala M. Çerkesler // İslam Ansiklopedisi/ İstanbul, 1993. S. 375-386.
47. Barthold W., Bennigsen A. Daghıstan // Encyclopaedia of Islam ,Sayı. II. P. 872.
48. Buniyatov Z. M. "Dağıstan"// Diyanet İslam Ansiklopedisi. Sayı. 8, S. 404-406.
49. Dehkargani M. T. “Derbend Hanlığı” // Tarih Ansiklopedisi. C. 13. S. 89
50. Teyyüboğlu M. T. “XVIII. Yüzyılın İlk Yarısında Kafkaslarda Osmanlı-Rus İlişkileri” / Osmanlı Ansiklopedisi. Ankara 1999. S. 561-569.

Первая Страница « Сэфарет- наме»

**ДОРОЖНАЯ КАРТА РОССИЯ ПУТЕШЕСТВИЕ НИШЛИ
МЕХМЕТ АГА**

